

САД ПО ОБЕ СТОРОНЫ

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Сад по обе стороны

«Автор»

2026

Лунцева А.

Сад по обе стороны / А. Лунцева — «Автор», 2026

Садовница Мира Соль умеет выращивать улицы и дома из завершённых человеческих решений. Когда чужой отозванный вклад пускает корень к разрушенному мосту, она обнаруживает: городской Совет тайно смешал десятки выборов, чтобы заранее вырастить удобный квартал для двух враждующих берегов. Мостостроительница Элиан Веж знает другую опасную тайну: переправы возникают лишь тогда, когда путник честно называет цель перехода. Но город превратил честность в обязательную формулу, а добровольный вклад — в сырьё для общего плана. Чтобы остановить сад, Мира должна признать собственное старое нарушение, отказаться от единоличной власти и доверить форму города тем, чьи решения питают его корни. А чтобы быть рядом с Элиан, обеим придётся построить не один путь навсегда, а множество переходов, где каждая сохраняет право повернуть назад. «Сад по обе стороны» — уютное романтическое фэнтези о ремесле, ответственности и любви, которая соединяет, не требуя слиться в одно целое.

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Дом в горшке	6
Глава 2. Честный шаг	9
Глава 3. Обломок выбора	16
Глава 4. Мостостроительница напротив	24
Глава 5. Улица, которой не было	30
Глава 6. Журнал I: что завершено	37
Глава 7. Слухач под аркой	43
Глава 8. Чай без середины	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Лунцева

Сад по обе стороны

От автора

Город можно восстановить быстро, если заранее решить за всех, каким ему быть. Гораздо труднее оставить место для несовпадающих желаний, отказов и перемен. Эта история — о ремесле, которое учится не путать заботу с властью, о мостах, которым нужна не исповедь, а честный следующий шаг, и о близости двух людей, не обязанных становиться одинаковыми.

Пусть сад здесь остаётся живым именно потому, что его нельзя закончить один раз и навсегда.

Глава 1. Дом в горшке

Дом пророс в рассадном горшке между рассветом и первым чайником.

Вчера там лежал медный ключ, обёрнутый серой шерстью корней. Мира собственноручно проверила бирку: вклад закрыт, форма не назначена, полив — три капли до решения кооператива. Утром из чёрной земли поднимался трёхэтажный фасад размером с ладонь. В крошечных окнах горел свет. Водосточная труба выпускала настоящий пар, пахнувший щами и мокрым деревом.

— Не трогай, — сказала Мира.

Тора застыла с лейкой над соседним лотком.

— Я даже не дышу.

— Дышать можно. Не обещай ему ничего.

Дом услышал слово «можно» и приоткрыл дверь.

Из неё выдвинулась ступенька. Потом вторая. Доски росли быстро, каждая следующая шире предыдущей. Лестница пересекла край горшка и легла на рабочий стол.

Мира взяла секатор, но не раскрыла лезвия. Резать неизвестный рост до определения вкладчика запрещалось не из суеверия. Каждый побег был отвергнутой формой решения: дорогой, которую человек не выбрал, комнатой, которую не построил, делом, от которого отказался. Срезать вслепую означало решить второй раз — теперь уже без хозяина.

— Реестр, — сказала она.

Тора вытерла руки о фартук и раскрыла толстую книгу. На странице утренних вкладов стояли четыре записи: сломанная шпилька после отказа от свадьбы, обломок колеса закрытой мастерской, детская ложка из опустевшего дома и ключ Ии Ров. Все три первых предмета лежали в своих ячейках. Напротив ключа чернила расплылись.

— Вчера подпись была, — сказала Тора.

— Чья?

— Приёмщицы вечерней смены. Я не запомнила имя.

Лестница достигла края стола. Половица мягко коснулась пола и сразу пустила белый корешок в щель между плитами.

Мира опустилась на колени. Корень шёл не к воде и не к свету. Он тянулся на восток, к реке Удерж, где за тепличными стенами темнели остатки разрушенной переправы.

— Закрывай створки сектора, — велела она. — Не общую тревогу. Только третий ряд.

Тора дёрнула жёлтый шнур. Стекланные перегородки спустились по обе стороны стола. Внутри остались они вдвоём, двести горшков и дом, который уже дорос Мире до колена.

— Ты тоже выйди, — сказала Мира.

— Это мой ряд.

— Поэтому я спрашиваю, а не выгоняю. Рост неизвестный. Хочешь остаться?

Тора посмотрела на дверь сектора. Ей было двадцать девять, она три года работала с водоводами и всё ещё сердилась, когда заботу предлагали тоном приказа.

— Останусь до первой трещины в полу. После неё выхожу без обсуждения.

— Принято.

Они называли условие вслух. Сад любил точность не меньше людей, но понимал её иначе: как форму, в которой оставалось место для окончания.

Дом вырос до пояса. Фасад оказался знакомым — тёмные ставни, резной круг над дверью, трещина от левого окна к карнизу. Мира видела его на старых картах затопленного квартала Корней.

— Это дом Ии, — прошептала Тора.

— Возможная форма её решения. Не сам дом.

— Ключ настоящий.

— Поэтому не называй форму возвращением.

После Двенадцатилетнего спора половина города привыкла продавать людям слово «вернуть». Вернуть улицу. Вернуть общий рынок. Вернуть берега друг другу. За этим словом обычно скрывалось требование согласиться на чужую версию прошлого.

Внутри миниатюрной кухни мелькнула тень. Тора отступила.

— Там кто-то есть.

— Сад не выращивает людей.

— Он только что вырастил дом без назначения.

Мира подняла медное зеркальце и поймала отражение окна. За стеклом двигалась не фигура, а ветка с листьями, похожими на человеческие ладони. Она перебирала посуду и ставила её на полки. Возможная привычка дома, не жилец.

Пол под ногами хрустнул.

Первая трещина появилась возле Торы.

Та поставила лейку и вышла через западную дверь, не дожидаясь разрешения. Мира удержала створку, пока помощница не оказалась за стеклом.

— Я снаружи, — сообщила Тора через переговорную щель. — Вы обещали выйти после меня?

— Нет.

— Тогда спрашиваю сейчас: сколько остаётся?

Хорошая ученица. Не позволила старшей садовнице спрятать бессрочность внутри должности.

Мира осмотрела корень. Если он доберётся до восточной стены, стекло станет частью возможного дома, а за ним — весь водоводный двор. Обычный карантин уже не удерживал рост.

— До трёх ударов колокола или пока корень не пересечёт синюю плитку. Потом выхожу. Ты свидетель.

— Принято.

Первый удар пришёл с башни Заречного берега. Над Удержью ещё лежал туман. На противоположной стороне из него торчали леса новой мостовой мастерской — тонкие, упрямо прямые линии Элиан Веж. Мира знала её только по чертежам и двум резким письмам. В первом мостостроительница назвала садовую переправу «архитектурой добрых намерений». Во втором отказалась подписывать общий проект, пока путников заставляли произносить полную цель перехода перед чиновником.

Мира тогда решила, что Элиан просто не хочет строить для Заречного.

Корень пересёк первую половину синей плитки.

Секатор мог остановить его. Мира раскрыла лезвия и увидела на белой коже тонкие медные буквы: ДОМ ТАМ, ГДЕ КЛЮЧУ ПОЗВОЛИЛИ ВЕРНУТЬСЯ.

Фраза звучала как завершённое решение Ии. Но Ия никогда не называла Заречный домом. После затопления она жила на Высоком берегу и приходила в сад только через рынок Без Середины, где переправа возникала на несколько минут.

Второй удар.

Мира просунула под корень плоскую лопатку и подняла его над плиткой. Рост задрожал. Дом распахнул все окна. Из них потянуло запахом яблочной кожуры — таким же, как в комнате Ии накануне разделения.

— Он тебя уговаривает, — сказала Тора.

— Он показывает форму.

— Есть разница?

— Должна быть.

Корень обвился вокруг лопатки. Мира могла направить его в пустой горшок и выиграть время. Для этого требовалась прививочная паста с её личной меткой. Паста сообщила бы саду: направление выбрано мастером. Такое право у главной садовницы было при аварии.

Она уже однажды воспользовалась им для ключа Ии.

Три года назад маленький побег тянулся к затопленному кварталу и грозил поднять старые фундаменты под жилыми домами. Мира повернула корень к муниципальной грядке. Ия тогда лежала в лазарете; ждать согласия было опасно. После Мира записала «аварийное укрепление» и не рассказала, что форма сменила направление.

Теперь сад возвращал долг.

Третий удар начался.

— Выходи! — крикнула Тора.

Мира положила лопатку. Не резала, не прививала, не принимала ещё одно решение вместо Ии. Дом качнулся, выпуская из крыши тонкий дым.

— Выхожу сейчас.

Она успела за стеклянную дверь до конца удара. Створка сомкнулась. Белый корень пересёк синюю плитку и коснулся восточной стены.

Стекло не разбилось. Оно стало прозрачнее.

За ним исчезли теплицы и показалась река. Не настоящая — возможная Удержь, узкая, тихая, с целым каменным мостом. Дом в секторе вырос до человеческого роста и встал у начала переправы. На другом берегу стояла женщина в сливовом рабочем пальто. Светлые волосы были убраны под кожаный ремешок, в руках блестел складной латунный уровень.

Элиан Веж приложила ладонь к невидимой поверхности между ними.

— Кто запустил мост? — спросила она.

Звук пришёл через стекло и воду без переговорной трубы.

— Никто, — ответила Мира.

Угол рта Элиан дёрнулся без улыбки.

— Мосты не возникают из «никто».

— А дома не должны возникать из неучтённых вкладов.

Элиан раскрыла уровень. Пузырёк внутри метался, будто искал середину между двумя берегами.

— Тогда у нас одна неисправность или две, которые нашли друг друга.

Дом открыл входную дверь. За ней начиналась первая доска моста.

На пороге лежал медный ключ Ии Ров.

— Не переходите, — одновременно сказали Мира и Элиан.

Мост ответил треском.

По корню под полом прошла волна. В соседних горшках один за другим распахнулись крошечные окна.

Тора потянулась к общей тревоге.

— Теперь можно?

Мира смотрела на десятки решений, которые сад пробуждал без спроса, и на мостостроительницу с враждебного берега, первой назвавшую ту же границу.

— Теперь нужно. Общая тревога. И найди Ию Ров — не приказывай прийти. Скажи, что её ключ пророс и что мы не знаем почему.

Тора ударила по красному рычагу.

Колокола Сада Вторых Форм заговорили над Заречным. За рекой им ответил медный гонг мостовой мастерской.

Между берегами выросла ещё одна доска.

Глава 2. Честный шаг

К полудню возможный мост исчез, а настоящий приготовились открыть.

От первого осталась белая полоса на стекле карантинного сектора и корень толщиной с запястье, ушедший под восточную стену. Дом Ии перестал расти, но не уменьшился. Он стоял среди рассадных столов, занимая пространство, которого вчера не существовало, и выпускал из трубы спокойный дым. Мира велела опечатать сектор прозрачной лентой, выставить дежурство с обеих сторон и записывать каждое движение корня. Ни один приказ не содержал слова «уничтожить».

От второго, временного моста Честного шага, зависело, доберётся ли делегация Высокого берега на совместный осмотр.

— Если он называется Честным, почему перед ним столько печатей? — спросила Тора.

Они стояли у спуска к Удержу. Река была серой, как вода после мытья кистей. Между берегами тянулись две канатные опоры, а под ними из тумана проступали узкие медные пластины. Пока мост был закрыт, они не соприкасались. На первой площадке висела доска с утверждённой формулой перехода.

Я иду на другой берег ради дела, полезного всему Ладожью. Я не причиню вреда мосту, берегу и людям. Моя цель соответствует заявленной.

Под текстом стояли печати двух управ.

— Печати подтверждают, что чиновники доверяют друг другу достаточно, чтобы не встречаться лично, — сказала Мира.

— А формула?

— Что они не доверяют никому остальному.

Тора фыркнула и тут же посерьёзнела. За ограждением собирались люди. Тревожные колокола разбудили оба берега, но Совет объявил, что опасности за пределами сада нет. Поэтому половина Заречного пришла посмотреть на несуществующую опасность собственными глазами.

У начала моста дежурил слухач — худой мужчина в синем плаще. Он держал ладони на медном поручне и повторял каждому проходившему работнику:

— Только утверждённый текст. Без добавлений. Мост настроен на единую форму.

Мира посмотрела на пластины. Между ними оставались щели в два пальца. Когда очередной носильщик произнёс формулу, ближайшие звенья притянулись друг к другу. На словах «полезного всему Ладожью» по меди пробежал мутный блеск.

— Они держатся, — заметила Тора.

— Пока на них никто не стоит.

С противоположного берега ударил гонг. Из тумана вышла делегация: трое членов управы, двое мостовых мастеров и Элиан Веж. Она шла последней, без сливового пальто, в серой куртке с закатанными рукавами. Латунный уровень висел у неё на поясе рядом с молотком. Даже издали Мира узнала прямую линию плеч и раздражение человека, которого заставили присутствовать при заранее принятом решении.

Председатель Сава Керн появился на заречной площадке ровно в тот момент, когда зрители начали спрашивать, почему делегация медлит.

— Главная садовница, — сказал он вместо приветствия. — Совет получил ваше сообщение. Самовольный рост локализован?

— Нет.

Сава поморщился, словно она нарушила не протокол, а грамматику.

— Сектор закрыт?

— Да. Рост продолжается под землёй. Это не то же самое, что локализация.

— Тем важнее не задерживать осмотр. Представители Высокого берега сейчас перейдут, и мы сформируем общую комиссию.

— По этому мосту?

— Он принят обеими управами.

Тора незаметно коснулась локтем руки Миры. За ними стояли садовые рабочие; спор с председателем на публике мог превратить техническое сомнение в политическую демонстрацию. Сава это понимал и выбрал площадку намеренно.

— Принят для одиночного прохода с грузом до восьми пудов, — сказала Мира. — Сейчас идут шесть человек одновременно.

— Порядок движения определяет мостовая служба.

На том берегу первый чиновник уже положил ладонь на стойку слухача. Он громко прочитал формулу. Пластины сомкнулись перед его ботинками. Второй повторил те же слова. За ним третий.

Каждый голос был различим, но мост отвечал на них одинаковым тусклым светом.

Элиан что-то сказала высокобережному слухачу. Тот покачал головой и указал на доску. Она подняла обе руки, показывая, что не вступит на мост. Один из чиновников обернулся и резко махнул ей вперёд.

— Она возражает, — сказала Тора.

— Я вижу.

— Совет тоже видит.

Сава смотрел только на приближающуюся делегацию.

Первый чиновник ступил на третью пластину. Медь под ним стала прозрачной. В глубине мелькнула вода.

Мира подошла к заречному слухачу.

— Что мост показывает по отдельным голосам?

— Допуск есть.

— Я спросила не о допуске.

Он не снял ладоней с поручня.

— Формула произнесена без отклонений.

— А отклик?

— Единый.

— Одинаковый или слитый?

Слухач впервые взглянул на неё. Под левым глазом у него дёрнулась мышца.

— Мне запрещено разделять утверждённую цель на частные.

Теперь Мира поняла, почему пластины светились мутно. Мосту дали шесть голосов, но велели услышать один. Это было похоже на грядку, в которой корни разных решений стянули проволокой и назвали общим ростом.

— Остановите проход, — сказала она.

— У вас нет полномочий на мосту.

— Тогда это не приказ. Предупреждение мастера соседней системы: опора не различает путников.

Сава встал рядом.

— Мира, не переносите садовые правила на переправу.

На середине моста чиновники поравнялись. Мастера несли между собой ящик с инструментами. Элиан всё ещё оставалась у начала, споря со слухачом. Потом посмотрела через реку прямо на Миру и указала сначала на людей, затем вниз.

Пластины под делегацией прогнулись одновременно.

— Назад! — крикнула Мира.

Элиан ударила молотком по входной стойке.

Звук дошёл раньше эха: короткий, высокий, неправильный. Медные звенья вспыхнули белым. Первый чиновник схватился за канат. Второй налетел на него, ящик выскользнул из рук мастеров и раскрылся. Ключи, скобы и мерные гири посыпались в Удержь.

Мост не оборвался. Он перестал соглашаться, что все идут в одно место.

Пластины разъехались веером. Под одним путником они потянулись к саду, под другим — к зданию Совета, под третьим — к рынку. Каждый возможный путь был слишком узок для ноги.

— Не двигаться! — крикнула Элиан. — Не повторять формулу!

Высокобережный чиновник, стоявший впереди, вцепился в поручень и заорал ещё громче:

— Я иду на другой берег ради дела, полезного всему Ладожью!

Подосва провалилась между пластинами. Он повис на канате.

Толпа на заречной набережной качнулась вперёд. Ограждение заскрипело.

— Тора, уводи людей на верхние ступени, — сказала Мира. — Не говори, что мост рушится. Скажи: освободить место для страховочных корней.

— У нас нет страховочных корней.

— Через минуту будут.

Тора не спросила откуда. Развернулась к толпе и закричала так, что перекрыла реку:

— Садовая работа! Освободить нижнюю площадку! Кто не умеет держать корень, поднимается за красную линию!

Люди привыкли спорить с опасностью, но уважали ремесло. Первые ряды отступили.

Мира опустилась на колени у щели между набережными плитами. Здесь не было семян, только старая кладка и канатная стойка. Белый корень из сада проходил где-то восточнее. Позвать его означало направить чужой вклад без согласия Ии. Она раскрыла сумку и достала горсть пустых прививочных колец.

— Что вы делаете? — спросил Сава.

— Даю мосту отдельные опоры.

— Сад не сертифицирован для переправ.

— Люди тоже.

Она положила кольца на камень и назвала то, что действительно могла отдать росту:

— Я завершила решение ждать разрешения Совета на спасение этих шестерых.

Фраза получилась некрасивой и слишком длинной. Но она была её.

В одном кольце набухла зелёная точка. Из неё вышел тонкий корешок, нащупал стойку и обвил основание каната. Второе кольцо осталось пустым. Одного завершённого решения хватало только на одну форму.

— Мне нужны предметы, — сказала Мира. — Только добровольно. Что-то связанное с решением, которое вы уже приняли и больше не меняете.

Сава отступил, будто просьба была ловушкой.

Тора вернулась первой. Сняла с фартука латунную булавку.

— Я больше не жду, что старшая мастерица сама даст мне право остановить опасную работу.

Она положила булавку в кольцо. Из него выстрелил корень, крепкий и красноватый.

Старуха за ограждением протянула через перила деревянную пуговицу.

— Я решила не возвращаться в дом дочери. Не потому, что не люблю. Потому, что свой дом у меня ещё есть.

— Вы отдаёте это решение саду добровольно? — спросила Мира.

— Пуговицу отдаю. Решение не забирай.

— Сад возьмёт только его завершённую форму. Право отзыва остаётся вашим.

— Тогда бери.

Третий корень лёг вдоль каната. Потом появились ещё два: из сломанного карандаша ученика и медной застёжки носильщицы. Они не создавали мост, лишь не давали общей опоре распасться, пока каждый рост сохранял собственное направление.

На середине реки Элиан перелезла через входное ограждение и ступила на первую пластину.

— Не надо! — крикнул её слухач.

— Надо было не пускать шестерых под одним голосом.

— Назовите формулу.

— Нет.

Первая пластина под ней осталась на месте. Вторая отодвинулась, не предлагая шага.

Элиан наклонилась к поручню.

— Я иду вытащить людей, потому что моя служба согласилась на плохую процедуру, а я не остановила её до открытия.

Медь вспыхнула тёплым золотом. Вторая пластина сомкнулась с первой, третья подалась навстречу.

Толпа замолчала.

Элиан шла медленно. Перед каждым шагом касалась уровня, слушая дрожь опоры. Она не добавляла признаний, не объясняла, почему боялась спорить, не называла имён. Одной значимой правды хватало, потому что она совпадала с действием.

Добравшись до крайнего чиновника, Элиан защёлкнула страховочный ремень на его поясе.

— Куда вы на самом деле шли?

— Я сказал.

— Вы произнесли текст. Куда вы шли?

— На осмотр сада.

Пластина под его свободной ногой дёрнулась к востоку.

— Зачем?

— Чтобы оценить угрозу.

Она дёрнулась снова, теперь к зданию Совета.

Чиновник побледнел.

— Это допрос?

— Нет. Вы можете не отвечать. Тогда мы закрепим вас и снимем с моста в лодку. Переход не состоится.

Внизу уже разворачивались две речные лодки. До них было далеко, но выбор перестал быть между признанием и падением.

Чиновник посмотрел на заречную набережную, где его ждали Сава и десятки свидетелей.

— Я иду убедить Совет отложить общий посев, — сказал он тихо. — Мы не знаем, что проснулось в саду.

Пластина выровнялась.

Сава перестал шуриться.

Элиан не потребовала говорить громче. Перевела чиновника на устойчивый ряд и повернулась к следующему.

Один за другим участники делегации называли цели. Мостовой мастер шёл осмотреть возможную переправу, о которой ему не дали чертежа. Его напарница хотела доказать, что авария произошла по вине Заречного сада. Второй чиновник намеревался добиться доступа к реестру вкладчиков. Третий боялся возвращаться без решения и потому вообще не знал, куда идёт.

Последнего Элиан не повела вперёд. Закрепила на канате и передала лодочникам.

— Он же сказал правду, — возмутился Сава.

— Да, — ответила Мира. — Но правдивое «не знаю» не превращается в цель перехода.

— Тогда мост наказывает растерянность.

— Нет. Он не строится из неё.

Сава посмотрел на корни, державшие стойку.

— Удобное различие.

— Не удобное. Проверяемое.

Когда пятеро достигли заречной площадки, Элиан осталась на последней пластине. Мост под ней держался ровно. Она посмотрела на слухача, потом на доску с формулой.

— Снимите её, — сказала она.

— Решение двух управ, — отозвался Сава.

— Тогда закройте мост.

— Из-за одной неисправности?

— Из-за исправной реакции конструкции на ложную процедуру.

Элиан перешагнула на камень. Вблизи она оказалась выше Миры и выглядела уставшей сильнее, чем позволял прямой голос. На правой ладони темнел свежий ожог от поручня.

Мира достала из сумки банку охлаждающей глины.

— Разрешите?

Элиан посмотрела сначала на банку, потом на неё.

— Это лечение или садовая прививка?

— Глина. Мята. Никакой магии.

— Тогда да.

Мира нанесла глину на края ожога, не касаясь середины. Элиан терпела молча. От её рукава пахло медью, речной водой и дымом.

— Вы поняли про слитый отклик, — сказала Элиан.

— Потому что видела такое в грядках.

— И всё же ваш Совет утвердил формулу.

— Наши управы утвердили её вместе.

— Хороший ответ.

— Неприятный?

— Поэтому хороший.

Это почти походило на улыбку, но Элиан отвернулась к мосту прежде, чем Мира решила наверняка.

Тора тем временем помечала корни бирками вкладчиков. Старуха с пуговицей спорила, можно ли забрать её обратно немедленно. Мира услышала и подняла руку.

— Можно. Как только поставим временную подпорку. Не раньше вечера, если вы согласны подождать.

— А если не согласна?

— Снимаем сейчас и закрываем площадку, пока найдём замену.

Сава тяжело вздохнул.

— Именно поэтому городу нужна единая система. Мы едва не потеряли делегацию, а теперь торгуемся с каждой пуговицей.

— Не торгуемся, — сказала Тора. — Получаем согласие.

Председатель посмотрел на неё так, будто впервые заметил, что у помощницы есть голос.

Элиан закрыла уровень и подошла к доске. Не снимая её, провела ногтем по слову «заявленной».

— Мост сравнивает правду не с заявлением, — сказала она. — Он сравнивает её с шагом. У нас нет прибора, который покажет человеческую цель. Есть только реакция отдельных опор.

— Значит, вы предлагаете разрешить каждому рассказывать что угодно? — спросил Сава.

— Я предлагаю перестать обещать, что формула делает людей честными.

— А что предлагаете вы? — обратился он к Мире.

Она могла бы сказать: закрыть мост, выкопать дом, вернуть делегацию лодками и передать всё комиссии. Каждый пункт звучал безопасно. Вместе они означали оставить два связанных сбоя разным ведомствам, чтобы через неделю получить две аккуратные половины катастрофы.

— Совместную проверку, — сказала Мира. — Не комиссию. Рабочую проверку по одному условию за раз.

Элиан подняла бровь.

— Кто определяет условия?

— Мы обе предлагаем. Любая может остановить испытание. Никаких вопросов о частной жизни, если они не относятся к конкретному переходу. Отказ отвечать означает отказ от шага, а не вину.

— И сад?

— Проверяем отдельно. Ни одного направления корня без согласия вкладчика.

— Даже если он снова потянется к моему берегу?

Вопрос попал точно. Мира почувствовала под ногами слабое движение: далёкий корень дома Ии искал трещины в кладке.

— Даже тогда.

Элиан не знала, что Мира уже нарушала это правило. Поэтому её кивок оказался тяжелее недоверия.

— Доступ к вашему реестру нужен сегодня.

— После согласия вкладчиков на просмотр их записей.

— Мы потеряем время.

— Да.

— Вы всегда так легко признаёте цену своих правил?

— Только когда плачу не одна.

На этот раз Элиан действительно улыбнулась — коротко и без мягкости, как мастер, обнаруживший, что неудобный инструмент всё-таки годится.

Сава подозвал писца. Тот раскрыл дощечку и приготовил перо.

— Совет разрешает совместный технический осмотр до вечернего колокола, — продиктовал председатель. — Руководители: главная садовница Мира Соль и мостовой мастер Элиан Веж. Результаты передать комиссии до завтрашнего полудня.

— Нет, — сказала Элиан.

Перо замерло.

— Что именно?

— «Руководители». Проверка не начнётся, если одна из нас может приказать другой продолжать.

— «Ответственные мастера», — предложила Мира.

— Подойдёт.

Сава кивнул писцу.

— Ответственные мастера. Право остановки у обеих. Теперь вы удовлетворены?

— Нет, — ответили Мира и Элиан одновременно.

Тора кашлянула, пряча смех.

— Но начинать можно, — добавила Мира.

Первой они проверили доску. Слухач снял её с крюков, и мостовые пластины сразу потускнели, словно перестали притворяться цельной дорогой. Под формулой обнаружилась старая надпись, вырезанная прямо на дереве:

Скажи достаточно для следующего шага.

— Кто закрыл это? — спросила Мира.

— Обе управы, — сказала Элиан. — После первого месяца. Люди жаловались, что не знают, сколько значит «достаточно».

— И им дали текст, который не значит ничего.

— Зато одинаково.

Они подняли доску вдвоём и отнесли к стене караульной будки. Писец внёс снятие формулы в протокол. Сава ушёл созывать комиссию, забрав чиновников. Старуха согласилась оставить пуговицу до вечера, но потребовала расписку Торы, не Совета.

У самой воды Мира и Элиан разложили уцелевшие гири. Три показывали разные наклоны одной и той же пластины.

— Ваш возможный мост возник напротив моей мастерской, — сказала Элиан. — Дом был на вашей стороне. Почему рост выбрал мою?

— Не знаю.

— Это достаточная правда?

— Для разговора — да. Для перехода — нет.

Элиан присела и коснулась обожжённой ладонью крайней гири. Глина уже высыхала светлой коркой.

— Тогда следующая. Вы раньше работали с этим семенем?

За их спинами Тора звенела бирками. На реке лодочники вылавливали инструменты. Никто не смотрел на Миру, и всё же ей показалось, что весь берег повернулся к ней лицом.

Три года назад она выбрала формулировку, которая не была ложью: аварийное укрепление. Сегодня мост показал, сколько правды можно спрятать внутри правильных слов.

— Да, — сказала Мира. — Работала.

— Что вы сделали?

Корень под камнями снова шевельнулся. Теперь ближе.

— Это запись Ии Ров. Сначала я должна сказать ей.

Элиан долго смотрела на неё. Потом убрала руку с гири.

— Достаточно для следующего шага.

Со стороны сада ударил малый колокол — два раза, пауза, ещё два. Сигнал движения в закрытом секторе.

Тора подняла голову.

— Дом открыл вторую дверь.

— Куда? — спросила Мира.

Помощница прислушалась к ритму дежурного колокола.

— Наружу. И кто-то уже пришёл с той стороны.

Мира знала ответ раньше, чем дежурный выкрикнул имя с верхней улицы.

Ия Ров не стала ждать приглашения до вечера.

Она пришла за своим ключом.

Глава 3. Обломок выбора

Ия принесла с собой лопату.

Не садовую, с узким лезвием для корней, а речную — широкую, тяжёлую, с краем, сточенным о камни. Она поставила её у входа в третий сектор и протянула дежурной раскрытую ладонь.

— Ключ.

Дежурная посмотрела на Миру.

— Не на неё, — сказала Ия. — Вклад мой.

Она была невысокой, в тёмном платке и рабочем жилете кооператива. На левом кармане белела меловая черта: знак собрания, прерванного общей тревогой. За Ией пришли ещё семеро вкладчиков, но остались у наружной калитки. Не толпа и не свидетели — люди, которые заранее решили не позволить назвать частное требование единичной прихотью.

Мира сняла перчатки.

— Ключ внутри выросшей формы. Мы можем начать отзыв сейчас, но безопасное изъятие потребует определить связанные корни.

— Начинайте.

— Ия, сначала я должна рассказать, что произошло три года назад.

— Сначала верните ключ.

— Это связано.

— Тогда рассказывайте по дороге.

Ия взялась за лопату и шагнула к двери сектора. Дежурная преградила проход шестом с красной лентой.

— Внутри нельзя без защитного фартука.

— Три года назад я отдала вам ключ без фартука.

— Три года назад он помещался в ладони, — сказала Тора. — Сейчас он вырастил дом высотой в два человеческих роста и две двери. Пожалуйста, наденьте фартук. Это не задержка отзыва.

Ия оглядела её, потом взяла предложенную защиту. Лопату оставила снаружи, но так, чтобы видеть рукоять через стекло.

Элиан стояла у дальней стены и измеряла белый след возможной переправы. При появлении Ии она закрыла уровень.

— Элиан Веж, ответственная за проверку мостовой части, — представилась она. — Я не прикасаюсь к вашему вкладу.

— Уже лучше Совета, — ответила Ия. — Они обычно сначала берут, потом объясняют, почему это общее.

Дом изменился с утра. К трём этажам добавилась низкая пристройка, заросшая виноградом. Одна дверь выходила к карантинному коридору, вторая — прямо в восточное стекло. За ней вместо сада виднелась узкая улица затопленного квартала Корней. Вода стояла у порогов, но не двигалась. На стене ближайшего дома висела синяя табличка: Соляной переулок, 8.

Ия остановилась.

— У нас был шестой номер.

— Это не точная копия прошлого, — сказала Мира.

— Я вижу.

— Сад вырастил возможную форму решения.

— Эту фразу я тоже помню. Вы говорили её, когда принимали ключ.

Ия подошла к фасаду. Входная дверь была открыта, и медный ключ лежал на пороге. За ним начиналась прихожая: крючки для одежды, узкая скамья, жестяная миска для мокрой обуви. Всё чуть меньше настоящего, словно дому не хватило одного глубокого вдоха.

— Не переступайте порог, — предупредила Элиан.

— Потому что это мост?

— Потому что мы не знаем, чем он считает ваш шаг.

Ия присела, не приближаясь к ключу.

— А если я возьму своё?

— Корень может решить, что вы выбрали всю выросшую форму, — сказала Мира. — Или распасться. Или потянуться за предметом. Я не стану угадывать.

— Значит, вы три года хранили мой вклад и до сих пор не знаете, как его вернуть?

— Процедура есть.

— Тогда начинайте её.

Мира кивнула Торе. Та принесла книгу реестра, переносной пресс для оттисков и зелёный шнур отзыва. Шнур полагалось протянуть от предмета к руке вкладчика, не касаясь кожи корня. Если запись совпадала, на нём проступало имя, а ближайшие связанные побеги окрашивались в охру. После этого садовники составляли порядок выкопки.

— Нужно ваше подтверждение, — сказала Мира. — Назовите предмет и завершённое решение так, как называли при вкладе. Можно тихо, только реестру.

Ия взяла свободный конец шнура.

— Медный ключ от дома в квартале Корней. Я завершила решение ждать, что воду отведут и я вернусь туда жить.

Шнур остался зелёным.

Тора проверила зажим.

— Ещё раз не надо. Он услышал.

Она раскрыла реестр на имени Ии. Чернила, расплывшиеся напротив ключа, за утро высохли серым пятном. Под ним едва просвечивали строки старой записи.

Мира поставила страницу в пресс и повернула колесо. Обычно скрытые пометки выступали на копировальном листе: дата, направление первой формы, прививки, перемещения и право отзыва. Сейчас отпечатались только имя и номер ячейки. На месте права отзыва лежала ровная белая полоса.

— Бумага повреждена? — спросила Ия.

— Нет, — ответила Тора. — Здесь снят слой записи.

— Кем?

Мира провела ногтем по краю белой полосы. Так выглядел не ластик и не выскобленное волокно. Реестр сам переставал показывать поле, если вклад переводили в другую категорию.

— Муниципальный резерв, — сказала она.

Ия выпрямилась.

— Я не передавала ключ городу.

— В резерв можно было временно включить форму при аварийном укреплении.

— Кто включил?

Тора перестала крутить пресс. Элиан не вмешалась, но встала так, чтобы видеть и Миру, и выход. Она оставляла разговору границы, а не укрытие.

— Я, — сказала Мира.

Ия не изменилась в лице.

— Когда?

— Через четыре месяца после вклада. Побег пошёл к старым фундаментам. Если бы он поднял их, два жилых дома могли сползти к реке. Вы были в лазарете после обвала северной лестницы. Я перенаправила форму в муниципальную грядку как аварийное укрепление.

— Без моего согласия.

— Да.

— И не сказала после.

— Не сказала.

— Почему?

Мира готовила ответ три года, не признаваясь себе, что готовит. Потому что опасность миновала. Потому что Ия только училась ходить после перелома. Потому что Совет похвалил скорость решения. Потому что признание ничего бы не исправило.

Все эти причины были правдивы. Ни одна не отвечала на вопрос.

— Я решила, что знание причинит вам боль и не вернёт прежнее направление, — сказала Мира. — И снова выбрала за вас.

Дом тихо закрыл окно на втором этаже.

Ия отпустила шнур. Зелёный конец упал на пол.

— В тот год я создала кооператив, потому что Совет говорил с нами как с детьми. Я приглашала вас на первое собрание.

— Помню.

— Вы сидели рядом и объясняли людям, что вклад остаётся их собственным решением.

— Да.

Ия сняла защитный фартук и аккуратно повесила на крюк.

— Я не буду кричать в вашем секторе. Не путайте это с прощением.

— Не путаю.

— Верните ключ сегодня.

— Я сделаю всё, что можно сделать безопасно.

— Нет. Не «всё, что можно». Запустите процедуру отзыва, которая обещана в договоре.

Она говорила спокойно, и от этого каждое слово ложилось тяжелее. Мира повернулась к Торе.

— Берём дубликат записи из нижнего архива. Код допуска семь.

Тора уже тянулась к связке ключей.

— Я схожу.

— Пойдём вместе, — сказала Ия.

Нижний архив располагался под старой оранжереей, где температура круглый год держалась чуть выше речной. Там хранили бумажные дубликаты и глиняные пластины первых оттисков. Электрических замков в Ладожье не любили после разделения: слишком легко один берег оставлял другой без тока. Но садовые замки работали на корнях и узнавали прикосновение назначенного мастера.

У двери архива Мира приложила ладонь к деревянному кругу.

Ничего не произошло.

Она попробовала снова. Обычно под кожей отзывалась лёгкая щекотка, затем корень отодвигал засов. Теперь дерево было холодным.

— Код семь? — спросила Тора.

— Да.

— Может, общая тревога закрыла нижний уровень.

— Тревога открывает его старшим смены.

Элиан наклонилась к дверной раме, не касаясь.

— Этот корень обрезан с обратной стороны.

— Откуда вы знаете?

— Дверь висит на две линии ниже. Если бы засов держал живой корень, он тянул бы раму вверх.

Мира достала обычный ключ. Металлическая скважина была запасной, на случай зимнего сна сада. Ключ повернулся, но дверь упёрлась во что-то мягкое.

Тора навалилась плечом. Из щели посыпалась влажная земля.

— Там насыпь.

— Или грядка, — сказала Мира.

Они принесли узкие лопатки. Ия забрала одну без просьбы. Элиан закрепила дверь ремнём, чтобы та не захлопнулась, и проверила свод уровнем. Вчетвером они выбирали землю через щель, пока не открыли проход шириной в плечо.

За дверью архив пах не бумагой, а свежей теплицей.

Полки стояли на месте, но между ними проросли одинаковые белые корни. Каждый входил в корешок реестровой книги, обвивал сшивку и выходил к дальней стене. На обложках проступил один знак: круг, разделённый прямой линией.

Знак Единого Плана.

— Муниципальная инвентаризация? — спросила Тора.

— Для инвентаризации не подключают живой отвод, — сказала Мира.

Она прошла между полками к разделу отзывов. Ящики были закрыты, печати целы. Но корни обходили печати и входили прямо в глиняные пластины. Мира нашла номер Ии — ВФ-1748 — и вынула пластину настолько, насколько позволяла корневая петля.

Строка первоначального вклада сохранилась. Ниже виднелась метка Миры об аварийной прививке. А поверх поля отзыва отпечатали новое:

ПРИОБЩЕНО К ОБЩЕМУ ВОДОВОДНОМУ РЕЗЕРВУ. ИЗЪЯТИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО ДО ЗАВЕРШЕНИЯ СЕЗОННОГО ПРОЕКТА.

— Какого проекта? — спросила Ия.

— Здесь не указано.

— Кто подписал?

Под текстом стояла не личная метка. Только круг с прямой линией и дата двухнедельной давности.

Мира проверила соседнюю пластину. Потом следующую. На всех полях отзыва лежал тот же оттиск.

— Отключили весь реестр, — сказала Тора.

— Не отключили, — возразила Элиан. — Перенаправили запросы.

Она проследила взглядом белые корни. Те сходились в дальней стене, уходя в сторону центра Заречного, где располагалась муниципальная грядка.

— Если кто-то просит вернуть вклад, система отмечает его для общего резерва, — продолжила она. — Ваши люди видят пустое поле и не могут начать изъятие.

— А корень получает время связаться с другими, — сказала Мира.

Чем дольше вклад оставался в общей системе, тем дороже становился безопасный отзыв. Через месяц для извлечения одного семени пришлось бы пересаживать улицу. Через сезон человеку могли сказать, что его право сохранилось, но воспользоваться им нельзя без вреда городу.

Ия прочитала метку ещё раз.

— Две недели. Сколько людей просили отзыв за это время?

— Узнаем по журналу обращений, — сказала Тора.

Она открыла узкий шкаф у входа. Журнал лежал внутри, не затронутый корнями. За четырнадцать дней поступило девять запросов. Возле семи стояло: «ожидает восстановления записи». Два человека согласились подождать до Медной Ночи.

— Семь, — сказала Тора.

Ия посмотрела на Миру.

— И никто не сообщил кооперативу.

— Я впервые вижу эту метку.

— Но архив ваш.

— Да.

Мира не стала говорить, что техническое обслуживание реестра передали Совету прошлой зимой. Архив оставался её ответственностью, даже если доступ меняли чужие руки. Слишком легко должность превращалась в щит, которым прикрывались обе стороны: Совет утверждал, что сад независим, сад ссылался на муниципальных писцов.

— Мы зафиксируем семь отказов и ваш восьмой, — сказала она. — Сегодня же уведомим каждого вкладчика.

— Девятый, — поправила Ия.

— В журнале семь задержанных.

— Ваш. Вы отняли у меня право отзыва три года назад. Сегодняшний корень вырос не из первой ошибки, а из того, что она оставалась удобной всем последующим.

Мира кивнула.

— Девятый.

Ия достала мел и провела черту на ближайшей полке. Не перечеркнула знак Совета, а отделила его от номеров вкладчиков.

— Кооператив назначит двух свидетелей на разбор каждой записи.

— Назначит, — согласилась Мира.

— Не просит разрешения.

— Принято.

— И ключ я заберу.

— Если корни связаны с водоводом, мгновенное изъятие может оставить квартал без воды.

— Это вы сейчас предупреждаете или готовите причину отказать?

— Предупреждаю о цене, которую не имею права скрыть.

Ия скрестила руки.

— Тогда покажите цену. Не решайте по привычке, что я её не заплачу.

Элиан присела возле корневой линии и положила рядом уровень.

— Она идёт не к действующему водоводу.

Мира опустилась рядом. Белый корень проходил под стеной с едва заметным уклоном вниз.

— К Материнской грядке, — сказала она.

— Она уже существует? — спросила Ия.

Совет обсуждал единый посев третий год. Официально Материнская грядка была проектом: схемы, сметы, публичные обещания общего квартала к зиме. Для живого отвода требовались земля, вода и хотя бы одно решение, назначенное формой всех остальных.

— Не должна, — ответила Мира.

— Сегодня у вас многое не должно.

Из глубины стены пришёл тихий стук. Раз, пауза, два. Не колокол — корень касался камня с той стороны.

Элиан приложила к кладке ручку молотка.

— Ответный сигнал, — сказала она.

— Корни не разговаривают условными ударами.

— Мосты тоже. Пока кто-то не научит.

Стук повторился. Теперь ему ответили сразу три реестровые книги: корешки дрогнули, страницы зашелестели. На белых полосах проступили тонкие серые линии, ведущие от отдельных имён к одному кругу.

Тора захлопнула журнал обращений.

— Если общий резерв подтянет эти семь вкладов, они тоже прорастут?

— Не обязательно здесь, — сказала Мира. — Они могут отдать форму Материнской грядке.

— Без согласия?

Мира посмотрела на ключ Ии, нарисованный на глиняной пластине. Три года назад она считала, что временно меняет направление одного опасного побега. Теперь её метка служила дверью, через которую чужое решение перевели в общий резерв.

— Моя аварийная прививка дала системе основание считать вклад муниципальным, — сказала она. — Но приостановка отзывов появилась сейчас. Кто-то использовал старую запись.

— Кто имел доступ? — спросила Элиан.

— Я. Две старшие смены. Архивистка. Технические писцы Совета.

— И председатель?

— По отдельному предписанию.

— Которое хранится где?

Тора указала на верхний ящик. Внутри лежали предписания за год, аккуратно перевязанные по месяцам. Пачка текущего месяца оказалась слишком тонкой. Между листами виднелась оборванная нить с остатком красного воска.

— Одно забрали, — сказала она.

— Или не подшили, — заметила Мира.

— Вы его защищаете? — спросила Ия.

— Защищаю разницу между подозрением и записью. Иначе мы построим ещё одну формулу вместо правды.

Ия молча взяла журнал обращений. Прижала к груди, но не закрыла от остальных.

— Этот останется у кооператива до копирования.

— Оригинал не должен покидать архив, — сказала Мира.

— Тогда я останусь с ним здесь.

На каменном полу было холодно. С верхних полок капала вода. Ия подвинула к стене табурет архивистки и села.

— Принесите свидетелей и чай, — распорядилась она одному из ожидавших у двери вкладчиков. — Неми знает какой.

— Крепкий, без примирения? — спросил тот.

— Именно.

Даже Элиан усмехнулась.

Мира составила вслух порядок действий, чтобы каждое решение можно было остановить отдельно. Сначала снять копии девяти записей. Затем перекрыть ответвление к Материнской грядке без повреждения личных корней. После — проверить связь ключа Ии с действующим водоводом и составить две схемы изъятия: немедленную и поэтапную. Выбор между ними останется за Ией после того, как она увидит последствия.

— А если обе схемы опасны? — спросила Ия.

— Тогда вы вправе потребовать третью.

— Кто её сделает?

Мира посмотрела на Тору. Помощница всё ещё держала лопатку, испачканную архивной землёй.

— Независимая бригада, — сказала Мира. — Не я одна.

— Кооператив выберет своего мастера.

— Да.

— И мостовой мастер войдёт в неё, — добавила Элиан. — Корень уже строил переход.

Нельзя считать это только садовой задачей.

Ия оценила её долгим взглядом.

- Вы с враждебного берега?
- Сегодня до обеда была.
- А после?
- После обеда у нас общий плохой мост.

Ия кивнула.

Они начали с копий. Тора грела глиняные пластины над лампой, Элиан удерживала корни тонкими распорками, Мира переносила оттиски, не отделяя ни одной петли. Ия сверяла номера с журналом. Работа была медленной, но впервые за день время не казалось украденным: его тратили на то, чтобы каждый видел одно и то же.

На шестой записи входная дверь распахнулась. В архив спустился посыльный Совета, запыхавшийся и злой.

- По распоряжению председателя нижний уровень закрывается до прибытия комиссии. Он протянул лист. Печать была свежей, чернила ещё блестели.
- Причина? — спросила Мира.
- Опасность вмешательства в городской резерв.
- Мы уже внутри городского резерва, — сказала Тора.

Посыльный сделал вид, что не услышал.

Мира прочитала распоряжение. Текст запрещал перемещение пластин, изменение корневых связей и допуск посторонних. Под последним словом можно было понимать Ию, Элиан и свидетелей кооператива. Себя Совет посторонним не считал.

— Мы не перемещаем пластины, — сказала Мира. — Копирование закончится до закрытия.

— Закрыть немедленно.

Ия подняла журнал.

— Я не уйду.

Посыльный отступил к лестнице.

— Тогда Совет вызовет караул.

— Пусть принесёт ещё табуреты, — сказала она. — Нас будет девять.

Мира поставила свою метку на распоряжении: Получено. Исполнение приостановлено из-за действующего требования владельца вклада. Ниже оставила место Ие. Та расписалась полным именем. Элиан добавила: Мостовая связь не проверена; закрытие увеличивает риск. Тора поставила время.

Посыльный ушёл с копией, а оригинал остался у них.

— Вы только что отказались выполнить приказ Совета? — спросила Ия.

— Приостановила до устранения противоречия.

— Очень садовый способ сказать «нет».

— Я учусь.

К вечеру они добрались до записи ключа. Корневая петля вокруг неё оказалась двойной. Один отвод шёл к выросшему дому, второй — в стену. Между ними застрял крошечный кусок меди, отломившийся от бородки ключа.

Ия увидела его первой.

— Вот почему он не открывал последний замок, — сказала она.

— Какой замок?

— В день эвакуации я вернулась за книгами кооператива жильцов. Ключ вошёл, но не повернулся. Я решила, что дверь разбухла от воды. Пришлось уйти.

Она осторожно поднесла ладонь к осколку, не касаясь корня.

— Я отдала решение ждать возвращения. Но это другое. Это решение уйти без книг.

Мира почувствовала, как меняется натяжение петли. Дом наверху вырос не только из ключа. В одном предмете сохранились два завершённых выбора, а реестр записал один. Неучтённый второй мог всё это время искать собственную форму.

— Нам нужно разделить семя, — сказала она. — Ключ и обломок должны получить разные записи.

— И тогда я заберу оба?

— Если захотите.

— Хочу.

На этот раз зелёный шнур отзыва окрасился охрой.

Цвет побежал по одной половине петли, поднялся к потолку и ушёл в сторону дома. Вторая половина осталась белой и крепче врезалась в стену, ведущую к Материнской грядке.

— Она не признаёт отзыв ключа, — сказала Тора.

— Признаёт, — ответила Мира. — Но удерживает обломок как отдельный вклад.

— Которого Ия никогда не отдавала, — сказала Элиан.

Из стены донёсся ответный стук.

Раз. Пауза. Два.

Ия намотала охряный шнур на ладонь.

— Значит, верните сначала то, что сад согласен назвать моим. А потом мы пойдём за тем, чему город придумал другое имя.

Мира посмотрела на белый корень, на знак Единого Плана и на собственную старую метку под ним.

— Пойдём, — сказала она.

Наверху дом Ии открыл все окна. За второй дверью вода в Соляном переулке начала подниматься.

Глава 4. Мостостроительница напротив

К ночи вода в доме Ии поднялась до первой ступени.

Она не выливалась наружу. За порогом Соляного переулка земля оставалась сухой, а внутри прозрачная поверхность медленно ползла вверх по стенам, повторяя давнюю отметину потолка. Миниатюрные стулья покачивались у потолка первого этажа. На лестнице лежала раскрытая книга — слишком маленькая, чтобы прочитать название, и слишком настоящая, чтобы принять её за украшение.

Мира стояла перед домом на коленях и держала охряный шнур отзыва. Один его конец был закреплён на ключе Ии, другой уходил к порогу. Белый корень обломка тянулся в глубину сада, к Материнской грядке, и при каждом ответном стуке вода прибавляла ещё на толщину ногтя.

— Если разделить их сейчас? — спросила Тора.

— Дом потеряет основание сразу с двух сторон.

— Он же вырос из ключа.

— Из двух решений, которые три года притворялись одним.

Ия сидела на перевёрнутом ящике, не выпуская из рук речную лопату.

— Не решения притворялись, — сказала она. — Их записали как одно.

— Верно.

Мира осторожно провела медной вилочкой между охряной и белой петлями. Охряная уступила, белая стянулась так резко, что дом дрогнул. Вода плеснула в окно и снова исчезла за стеной, не намочив ни одного листа шалфея снаружи.

Элиан Веж всё это время молчала. Она разложила на пустом столе три складных уровня, катушку мостовой нити и дощечки с записями дневной проверки. Теперь взяла одну дощечку и положила возле порога дома.

На ней было вырезано: Мы переходим ради общего дела. Та самая фраза, которую утром произнесла делегация перед тем, как временный мост начал распадаться.

— Здесь нет перехода, — сказала Тора.

— Есть порог, — ответила Элиан. — Есть та, кто хочет взять ключ. И есть форма, которая требует правду для следующего шага.

Ия подняла глаза.

— Вы хотите, чтобы я ещё раз объяснила городу, зачем забираю своё?

— Нет, — одновременно ответили Мира и Элиан.

Элиан посмотрела на Миру. В коротком взгляде не было ни насмешки, ни спора за старшинство.

— Я хочу проверить, — продолжила она, — не удерживает ли дом ключ по мостовому правилу. Но вопрос должен задавать не город.

— А кто?

— Вы сама. И можете не говорить ответ нам.

Ия постучала пальцами по черенку лопаты.

— Удобное ремесло. Сначала говорите, что нужна правда. Потом — что слышать её не хотите.

— Мосту нужна не исповедь, — сказала Элиан. — Ему нужно совпадение шага с причиной. Людям рядом достаточно знать, что вы отвечаете добровольно и можете отступить.

— А если я совру?

— Тогда опора покажет напряжение. Не содержание лжи.

Мира взяла дощечку. Каждый член делегации действительно переходил ради дела, которое считал общим. Купцы — ради торговли. Писцы — ради отчёта. Молодой помощник —

ради поручения, от которого боялся отказаться. Формула не была ложью. Она позволяла не называть ту часть цели, от которой зависел следующий шаг.

— Буквально они сказали правду, — произнесла Мира.

— Именно.

— И мост всё равно рушился.

— Потому что буквальная правда — это ещё не достаточная.

Тора нахмурилась.

— Как определить достаточную, не расспросив человека?

Элиан поставила короткий уровень поперёк дощечки.

— Никак. Определять должен сам путник. Мастер проверяет не человека, а опору.

За стеной дома снова раздался стук: раз, пауза, два. Белый корень натянулся. Под корой проступили серебряные жилки, похожие на мостовую нить.

— Он строит переход, — сказала Мира. — От ключа к обломку. Для сада это две формы, для Ии — один предмет, который она хочет забрать целиком.

— Тогда нужен шаг через порог, — сказала Элиан.

Ия встала.

— Какой вопрос?

Элиан написала мелом: Что вы не договорили в тот день?

Мира перевернула дощечку надписью вниз.

— Нет.

— Почему?

— Это вопрос о прошлом, а шаг она делает сейчас.

— Прошлое держит обломок.

— И принадлежит Ие. Нам не нужен перечень того, что она оставила в затопленном доме.

— Если причина второго решения не названа, мы не поймём, куда ведёт белый корень.

— Поймём по корню.

— Когда он прорастёт под половиной города?

— Вы предлагаете допросить владелицу, чтобы сэкономить время мастеров.

В секторе стало тихо. Ия наблюдала за ними с выражением человека, которому слишком часто приходилось ждать, пока специалисты закончат спорить о его жизни.

Элиан первой отвела взгляд.

— Предлагаю не строить вслепую.

— Тогда вопрос должен касаться только цели нынешнего шага. Не содержания старой потери.

— Этого может не хватить.

— Значит, шаг не состоится. Но границу мы не расширим только потому, что мосту так удобнее.

Ия перевернула дощечку и прочитала вопрос.

— Я могу ответить. Но не хочу, чтобы отказ выглядел признанием вины.

Элиан медленно кивнула, стёрла надпись и написала: Для чего вы делаете этот шаг?

Мира добавила: Что достаточно назвать, чтобы сделать его своим?

— Два вопроса хуже одного, — сказала Тора.

— Это один вопрос с границей, — ответила Мира. — Ия сама определяет достаточность.

— А если мост решит, что недостаточно? — спросила Ия.

— Вы не обязаны добавлять ни слова, — сказала Элиан. — Отступаете, и мы ищем другой способ.

Мира поставила пустой табурет у двери дома, обозначая место безопасного отказа, и передала шнур Ие.

— Сначала только коснитесь порога ключом.

Ия обвязала шнур вокруг запястья так, чтобы он не затягивался. Когда ключ коснулся ступени, пространство за проёмом углубилось. Лестница потянулась вниз и вдаль, будто Ия смотрела в свой прежний дом с другого конца улицы.

Вода остановилась.

— Для чего вы делаете этот шаг? — спросила Элиан так, как мастер спрашивал бы о весе телеги.

Ия закрыла глаза.

— Чтобы забрать то, что осталось моим.

Охряный корень расслабился. Белый остался натянутым. Уровень качнулся и замер, не дойдя до средней черты.

— Порог держит половину веса, — сказала Элиан.

— Этого достаточно для следующего шага? — спросила Мира.

— Для ключа — да. Для обломка — нет.

Ия могла остановиться. Мира уже потянулась поставить разделительную скобу, когда та заговорила снова:

— Обломок остался в двери, потому что я тянула ключ на себя. Вода была на лестнице. За дверью лежали журналы жильцов — долги, жалобы, решения о ремонте. Если бы я их вынесла, Совет не смог бы потом сказать, что трещины появились внезапно. Я ушла без них, потому что слышала на верхнем этаже ребёнка. Я выбрала вывести его. Книги утонули.

Мира следила только за рукой Ии. Та сама продолжала держать ключ у порога.

— Я не стыжусь того выбора. Но не позволю городу вырастить из него доказательство, будто мы добровольно отказались от дома.

Белый корень выпустил воздух с тихим свистом. Серебряные жилки легли параллельно. Уровень поднялся до средней черты.

— Достаточно, — сказала Элиан.

Ия переступила меловую линию. Дом открыл дверь. Вода хлынула к порогу, но остановилась внутри, удерживаемая прозрачной плоскостью. Из глубины выплыл медный обломок и лёг рядом с ключом.

Мира подхватила обе петли вилочками. Охряная сама соскользнула с ключа. Белая держала обломок ещё несколько ударов сердца, потом отпустила и метнулась к стене. На месте соединения остался узел с серебряной нитью — незавершённый мост, лишившийся одного берега.

Ия взяла ключ и обломок. Дом сразу начал уменьшаться. Вода опустилась ниже окон, комнаты сложились одна в другую, крыша мягко осела. Через минуту на грядке лежала пустая скорлупа семени.

— Всё?

Мира проверила шнур.

— Ключ и обломок отозваны. Оба.

— А то, что успело уйти в общий резерв?

Белый корень у стены не засох. Его обрезанный конец искал новую опору.

— Форма могла сохраниться. Но больше не должна считаться вашим вкладом.

— «Не должна» сегодня уже было.

— Проверим запись до рассвета.

Ия завернула металл в платок.

— Проверим вместе.

Она не поблагодарила Миру. И правильно. Исполненное право не становилось подарком от того, кто прежде его нарушил.

Тора проводила Ию и свидетелей в архив. Мира осталась у грядки с Элиан.

— Вы были правы, — сказала Элиан.

— В чём именно? Хочу запомнить редкий случай.

— Вопрос о прошлом был слишком широким.

— Ия всё равно ответила.

— Потому что решила сама.

Элиан свернула мостовую нить. На последнем витке та зацепилась за застёжку рукава. Мира протянула руку, остановилась.

— Можно?

— Можно.

Мира освободила волокно. Под застёжкой обнаружилась старая белая полоса ожога. Элиан сразу опустила рукав.

— Мост? — спросила Мира.

— Мосты редко спрашивают разрешения у рук.

— Зато люди могут.

Это не было приглашением продолжать. Мира отступила.

На дощечке осталась их формулировка. Если Совет превратит её в обязательную фразу, через неделю путники научатся отвечать складно, не выбирая ничего.

— Нельзя оставлять текст ответа, — сказала Мира.

— Без текста караульные начнут спрашивать кто во что горазд.

— Оставим предел, а не формулу.

Она написала: ВОПРОС КАСАЕТСЯ ТОЛЬКО ЦЕЛИ ЭТОГО ПЕРЕХОДА.

Элиан добавила: ПУТНИК САМ РЕШАЕТ, ЧТО ДОСТАТОЧНО НАЗВАТЬ.

Мира приписала: ОТКАЗ ОТВЕЧАТЬ НЕ ЛИШАЕТ ПРАВА ВЕРНУТЬСЯ.

— Пока вернуться можно только в лодке, — заметила Элиан.

— Значит, утром сделаем площадку.

— Утром Совет пришлёт комиссию.

— Тогда сделаем до утра.

Они перенесли инструменты к Честному шагу. Временная переправа висела над водой тремя отдельными участками. Элиан закрепила на опоре пять мерных грузов: торговля, отчёт, поручение, встреча, осмотр. Поверх привязала дощечку с фразой об общем деле.

Мостовая нить собрала грузы в один пучок и начала закручиваться. Чем туже он становился, тем ниже провисала середина.

— Она не различает вес, — сказала Тора, вернувшаяся из архива.

— Направление, — поправила Элиан. — Торговля требует склада. Отчёт заканчивается в управе. Осмотр — здесь, на опоре. Формула говорит мосту, будто все цели ведут в одно место.

Она сняла общую дощечку. Нить распустилась на пять волокон, и над водой проступили пять узких прозрачных полос.

— Они мешали друг другу не потому, что кто-то лгал, — сказала Тора.

— Они скрывали различие под общей правдой, — ответила Мира.

— Их заставили скрыть, — добавила Элиан. — Формулу утвердили как безопасную.

Подожли посыльный Совета и два писца.

— Комиссия запрещает испытания до утра, — объявил старший.

— Это испытание без людей, — сказала Мира.

— Вы изменяете порядок перехода.

— Переход закрыт.

Элиан подняла груз.

— Назовите мостового мастера, который утвердил формулу.

— Комиссия опиралась на заключения специалистов.

— Назовите одного.

Писец повернулся к Мире.

— Госпожа Соль, Совет поручил вам сохранять городской сад, а не поддерживать обвинения чужого мастера.

— Мастер Веж показала воспроизводимый дефект.

— Вопросы путникам утверждает Совет.

— Тогда переход останется закрыт.

— Вы не имеете таких полномочий.

— Имеем вдвоём, — сказала Элиан. — По дневному распоряжению у нас взаимное право остановки.

— Утром председатель его отменит.

— Утром и обсудим, — ответила Мира. — На устойчивом берегу.

Писцы ушли. Ночной караульный снял служебный плащ.

— Я могу держать фонарь, если это не считается переходом.

— Считается освещением, — сказала Элиан и вручила ему фонарь.

Площадку отказа собрали из снятой секции. Она висела сбоку от первой опоры и должна была выдержать человека, который начал переход, но решил не отвечать. Мира добавила скобу, раскрывавшуюся только к исходному берегу.

Они спорили о высоте поручня и о том, должен ли мастер видеть лицо путника. Мира считала, что так можно заметить страх. Элиан возражала, что взгляд мастера сам становится давлением.

— Пусть мастер стоит боком и следит за уровнем, — предложила Тора.

Обе замолчали.

— Запишите, — сказала Элиан.

К рассвету пришла Неми с чайником и горячими лепёшками. Она прочитала дощечку.

— «Право вернуться». А если лодки нет?

— Площадка удержит до её прибытия, — ответила Элиан.

— Зимой?

— Пятнадцать минут.

— Значит, право замёрзнуть отдельно. Нужен короткий мост назад. Вы думаете, будто отказ — авария, а это один из путей.

Они перестроили площадку в развилку. Слева начинался путь через Удержь, справа короткая дуга возвращала на Заречный. Ни один вариант не назывался правильным.

От Высокого берега пришла лодка с мостовыми рабочими. Элиан встретила их и вернулась с крепежом.

— Ваша мастерская напротив, — сказала Мира. — Почему вы не уехали домой?

— Потому что переправа рухнула здесь.

— Это не ответ.

— Для мостового мастера — достаточный.

Мира рассмеялась. Элиан тоже, тихо и будто против воли.

— И потому что ваш корень дошёл до моей мастерской, — добавила она. — Ночью под северной стеной появился второй фундамент.

— Почему вы не сказали сразу?

— У вас отзывали ключ, Совет закрывал архив, дом тонул в собственной памяти. Моей стене пришлось подождать.

— Вы выбрали за меня, что важнее знать.

Элиан вскинула брови.

— Похоже, дурные привычки легко пересекают реку.

Она не защищалась, и Мире стало легче.

— Больше не ждите. Даже если у меня горит весь сектор.

— Тогда вы тоже не скрываете садовые связи, потому что мостовой мастер может понять их неправильно.

— Согласна.

Они пожали руки. Ладонь Элиан была сухой и тёплой, пальцы — в мелких порезах от нити. Она смотрела Мира в лицо, проверяя, стало ли соглашение настоящим поступком. Мира не отвела глаз.

Если форма росла сразу на двух берегах, закрыть архив или сад было недостаточно. Материнская грядка пробовала соединить систему до того, как жители успеют решить, хотят ли общего города.

— Поедем напротив, — сказала Мира.

Тора сунула ей сумку с инструментами.

— Я останусь с реестром. Если Совет попробует вынести пластины, Неми позовёт весь кооператив на второй завтрак.

У причала Мира остановилась. Над Удержью пока не было пролёта, которому можно доверить вес. На площадке висели три правила — не ответ и не формула, а границы отдельного выбора.

Элиан ступила в лодку и придерживала борт.

— Для чего вы делаете этот шаг?

— Чтобы увидеть, что мой сад сделал на вашем берегу, прежде чем кто-нибудь назовёт это общим благом.

Лодка не была мостом. Вода не проверяла достаточность ответа, и всё же Мира почувствовала, что шаг совпал с причиной.

Она села напротив Элиан.

Под первой опорой Честного шага пять прозрачных полос наконец легли рядом, не пытаясь стать одной.

Глава 5. Улица, которой не было

Лодка ткнулась носом в каменную лестницу Высокого берега, и ступени ответили глухим ударом снизу.

Элиан замерла, не успев поставить ногу на причал.

— Ещё раз, — сказала она лодочнику.

Тот пожал плечами и отвёл весло. Течение вернуло лодку к лестнице. Удар повторился — не каменный, а полый, словно под нижней ступенью лежала перевёрнутая медная чаша.

Мира опустила ладонь в воду. Между сваями светилась белая нить. Она шла от Заречного берега, ныряла под Удержь и поднималась прямо под лестницей. Это был тот самый корень, который сохранил форму после отзыва ключа Ии. Только теперь он стал толщиной с запястье.

— Быстро растёт, — сказала Мира.

— Здесь ему есть чем питаться.

Элиан указала вверх. Над причалом стояла её мастерская: узкий кирпичный дом, прижатый к откосу тремя контрфорсами. Обычно от его ворот к верхней площади вела короткая лестница. Теперь между ними проступал ряд светлых камней. Они лежали там, где ещё вечером был сплошной склон.

Камни продолжали появляться.

Сначала обрисовался бордюр. Потом из влажной земли поднялась водосточная решётка, за ней — порог несуществующего дома. По обе стороны от него трава складывалась в ровные прямоугольники дворов. Улица взбиралась к площади, хотя ни один городской план не позволял здесь проезда.

— У вас сад выращивает дороги? — спросила Элиан.

— Если завершённое решение было о дороге.

— Ия решала уйти из дома.

— Поэтому эта улица ведёт от воды.

Мира выбралась на причал. Белая нить под ступенями разветвлялась. Одна ветвь держала новую мостовую, вторая уходила под мастерскую, третья тянулась выше, к муниципальной грядке Высокого берега.

Сверху донёсся звон разбитого стекла.

— Это теплица, — сказала Элиан и побежала.

Мира поспешила следом. Новая улица подстраивалась под их шаги, достраивая ступени за мгновение до того, как на них опускалась подошва. Это было удобно и потому особенно страшно. Сад угадывал не мысли, а направление движения, предлагая форму, в которой решение выглядело уже принятым.

У муниципальной грядки толпились ночные рабочие. Один держал над головой фонарь, двое вытаскивали из земли стеклянные рамы. Теплица просела на левый угол. Сквозь её пол прошёл белый бордюр и разделил три ряда молодых водосборных кустов.

Смотритель грядки, седой мужчина в кожаном фартуке, размахивал журналом.

— Веж! Вы обещали, что фундамент будет только под мастерской!

— Я обещала проверить новый фундамент, Тарен. Отойдите от стекла.

— Это мостовой рост. Ваши нити светятся.

— Мостовая нить серебряная. Белое — садовый корень.

Тарен увидел Миру и перевёл обвиняющий палец на неё.

— Тогда забирайте свой сорняк обратно.

Мира присела у разбитой гряды. Стебли водосборных кустов не были срезаны. Корень поднял их вместе с пластом почвы и поставил вдоль новой улицы, будто молодую живую изгородь. Ни один побег не погиб, но муниципальная схема посадки исчезла.

— Это не сорняк, — сказала она. — И он уже не принадлежит вкладчице, из чьего решения возник.

— Тем удобнее. Значит, ничей.

— Значит, учёт нарушен.

Она вынула из сумки тонкую медную вилку и коснулась белой коры. Обычный городской побег отвечал одним отголоском — коротким ощущением завершённого выбора, без слов и воспоминаний. Здесь откликов было много. Уйти из затопленного дома. Оставить мастерскую на прежнем месте. Проложить водовод по верхней улице. Снести старую прачечную. Сохранить два каштана. Каждое решение было отдельным, но корень стягивал их в общий ход.

Мира отдёрнула руку.

— Здесь смешано не два вклада.

— Сколько? — спросила Элиан.

— Не меньше пяти. Скорее больше.

Тарен закрыл журнал.

— Невозможно. Эта грядка принимает только муниципальные решения. Все проверены и подписаны.

— Кем выбрана форма роста?

— Комиссией благоустройства.

— Я спрашиваю не кто подписал. Кто из вкладчиков передал комиссии право соединить решения?

— Они передали решения городу.

— Вклад — не отказ от права.

Тарен посмотрел на рабочих, словно рассчитывал, что при свидетелях правило изменится.

— На Высоком берегу садовые уставы другие.

— Корни об этом не знают, — сказала Элиан. — Зато знают трубы.

Она сняла латунную пластину с края грядки. Под ней вместо грунта лежал мостовой раствор — серый, с серебряной стружкой. В растворе были утоплены пять медных бирок. Мира очистила первую. На ней стоял номер из нижнего архива Заречного берега.

Тот самый ряд, куда две недели назад перенаправили отзывы.

— Это ваш фундамент? — спросила Мира.

Элиан покачала головой.

— Мой раствор. Не моя кладка. Я поставляла смесь для аварийных опор Честного шага.

— Остатки?

— По накладным остатков не было.

Тарен шагнул к пластине.

— Муниципальная грядка закрыта. До прибытия комиссии никто ничего не вскрывает.

— Теплица уже вскрылась сама, — сказала Мира.

Белая линия вздрогнула. Выше по склону лопнула земля. Из неё поднялся ещё один участок мостовой, повернул к площади и упёрся в кирпичную стену склада. На стене проступила дверь.

Рабочие попятились.

— Там нет помещения, — тихо сказал один.

Дверь распахнулась. За ней была утренняя улица: сухая, залитая солнцем, с фасадами домов по обеим сторонам. В конце виднелся Заречный берег, но без реки между ним и площадью. По дороге шли безликие фигурки, не замечая настоящих людей у порога.

Улица предлагала не мост. Она предлагала город, в котором мост не нужен.

Элиан поставила уровень поперёк порога. Пузырёк ударился о край ампулы.

— Не входить. За дверью нет опоры.

— Но камни есть, — возразил Тарен.

— Камни — форма. Вес держать нечему.

Один из рабочих протянул шест. Его конец пересёк порог, коснулся солнечной мостовой и провалился вниз. Из темноты донёсся плеск Удерж. Рабочий выронил шест; дверь захлопнулась, отсекала древко и снова стала частью стены.

— Закрыть площадь, — приказала Элиан. — Верёвку от лестницы до склада. Никого не пускать на белые камни.

Тарен раскрыл рот.

— Это распоряжение мостового мастера при угрозе провала, — добавила она. — Можете жаловаться, когда под площадью снова будет земля.

Рабочие послушались. Мира обошла грядку, помечая ветви корня глиняными флажками. Все сходились к коробу под теплицей. Оттуда тянуло тёплым воздухом и запахом мокрой меди.

— Материнская грядка, — сказала она.

— Здесь?

— Нет. Это отвод. Главный узел на нашем берегу, под нижним архивом или рядом. Но кто-то сделал вторую чашу здесь и связал их мостовым раствором.

— Значит, решения идут через реку без моста.

— Не решения. Их рост.

— Для моих опор разница неприятно мала.

Мира не стала спорить. Белый корень использовал мостовую смесь как русло. Сад и мост, два ремесла, которые город веками держал отдельно, кто-то соединил без испытаний и согласия владельцев.

У лестницы появился запыхавшийся посыльный в сливовом плаще Совета. За ним шли двое стражников и женщина с серебряной цепью комиссии благоустройства.

— Госпожа Соль, — сказала женщина, — вам надлежало оставаться на Заречном берегу до слушания.

— Мне надлежало проверить связь отозванного вклада с муниципальным фондом.

— Отзыв исполнен. Связь прекратилась.

В этот момент белая мостовая выросла ещё на ладонь и смяла ножку теплицы.

— Она не получила ваше письмо, — заметила Элиан.

Представительница комиссии не удостоила её взглядом.

— Высокий берег сам разберётся со своей грядкой.

— Тогда объясните бирки Заречного реестра, — сказала Мира.

Она подняла одну из пластин. Женщина посмотрела на номер слишком быстро, чтобы притвориться, будто видит впервые.

— Водоводный резерв является общим проектом.

— Кто разрешил смешать фонды решений?

— Никто ничего не смешивал. Параллельные формы согласованы ради устойчивости.

— Параллельные формы не питают один корень.

— Вы потеряли право давать заключения после признания о неучтённой прививке.

Слова попали точно. Мира почувствовала, как все взгляды поворачиваются к ней. Тарен прижал журнал к груди. Даже рабочие у верёвки перестали шептаться.

Элиан не встала перед Мирой и не попыталась ответить вместо неё. Только положила уровень на край грядки, оставляя место рядом.

Мира шагнула к нему.

— Моё нарушение будет рассмотрено отдельно. Оно не делает этот корень законным.

— Зато показывает, что садовники постоянно меняют рост ради безопасности.

— Я именно поэтому знаю цену словам «ради безопасности». И больше не приму их вместо согласия.

Представительница комиссии потянулась за биркой.

— Вещественные материалы передаются Совету.

— После совместной описи, — сказала Элиан. — Это часть опоры на моей территории.

— Ваша территория заканчивается стенами мастерской.

— Моя ответственность заканчивается там, где перестаёт падать мост. Пока провал ведёт к реке, граница шире.

Стражники переглянулись. Приказ задержать мастериц им не дали, а спорить с аварийным полномочиём мостостроителя они явно не хотели.

Мира положила бирку обратно и назвала вслух номер. Элиан повторила его, Тарен нехотя записал в журнал. Затем они таким же образом описали ещё четыре пластины. Две относились к отзывам Заречного берега, одна — к решению о водоводе Высокого, одна — к сносу прачечной, последняя — к укреплению мастерской Элиан после старого обрушения.

Элиан взяла последнюю в руки.

— Это решение не отдавали саду.

— Откуда вы знаете? — спросила женщина с цепью.

— Потому что оно моё.

Белая улица под их ногами дрогнула.

Мира увидела, как пальцы Элиан стиснули пластину. Три года назад, после обрушения, она решила не переносить мастерскую с опасного откоса. Решение было завершённым, но это ещё не делало его вкладом.

— Вы подписывали согласие? — спросила Мира.

— На обследование грунта. Не на передачу решения.

— Комиссия могла включить технические данные в общий расчёт, — сказала представительница.

— Решение — не технические данные.

Голос Элиан остался ровным. Только пузырьёк в уровне под её ладонью мелко дрожал.

Улица отозвалась на сказанное. Несуществующие фасады стали чётче. На одном возникла вывеска её мастерской, перенесённой с откоса на новую площадь. Рядом росли два каштана, а за ними стоял целый Честный шаг — широкий, неподвижный, без площадки отказа.

Город показывал удобный исход: мастерская спасена, мост завершён, река перестала мешать. Для этого нужно было лишь считать чужие решения общим сырьём.

— Вот почему она растёт сюда, — сказала Мира. — К решению остаться добавили решение Ии уйти. Из противоположных направлений сделали одну улицу.

— Устойчивую, — быстро сказала женщина с цепью. — Вы сами видите, что формы уравнивались.

Элиан подняла уровень. Под ним камень оказался пустым.

— Устойчивость, которая не держит вес.

— Пока не завершено строительство.

— А когда завершится, вы объявите форму необратимой.

Представительница комиссии повернулась к страже.

— Оградить грядку. Все работы прекратить до решения Совета.

— Если прекратить сейчас, улица дойдёт до площади, — сказала Мира. — Корень ищет общую форму и будет присоединять каждое подходящее решение.

— Резать нельзя, — сказал Тарен. — На грядке водосборные кусты.

— Резать и не нужно. Надо развести направления.

Мира достала из сумки четыре тонкие садовые рамки. В обычной грядке ими отделяли несовместимые побеги, пока владельцы не выберут пересадку. Здесь рамок требовалось десятки.

— Мне нужны медные рейки, глина и чистый песок.

— В мастерской есть рейки, — сказала Элиан.

— Комиссия запретила работы, — напомнил стражник.

Мира посмотрела на белую дверь. Под её нижним краем уже сочилась речная вода.

— Тогда запишите: комиссия решила ждать, пока провал откроется на площади.

Стражник первым отвёл глаза. Тарен захлопнул журнал.

— Песок в нижнем сарае. Глина у водосборной ямы.

Работали на виду у комиссии. Элиан принесла рейки и вбила их не вдоль улицы, а поперёк, по числу найденных решений. Мира обмазала каждую глиной и вывела к отдельной рамке. Там, где белый корень пытался снова соединиться, Элиан прокладывала сухую мостовую нить — не опору, а меру напряжения.

— Название, — сказала Мира, касаясь первой бирки.

— Уйти из дома, — ответил Тарен, сверяясь с номером.

Корень лёг в левую рамку.

— Следующее.

— Оставить мастерскую на откосе.

Элиан произнесла это сама. Вторая ветвь нехотя отделилась от улицы. Вывеска мастерской на несуществующем фасаде погасла.

— Проложить верхний водовод.

— Снести прачечную.

— Сохранить каштаны.

С каждым названным направлением улица становилась менее убедительной. Дома потеряли верхние этажи, солнечный свет за дверью поблек. Но одна толстая ветвь оставалась общей. На ней не было бирки.

Мира коснулась её вилкой. Отголосок пришёл не как решение, а как приказ: выбрать форму после накопления достаточного фонда.

Она убрала руку.

— Вот смешивающий узел. Это не вклад. Это право распоряжения вкладами.

— Такого решения не бывает, — сказал Тарен.

— У человека — бывает. Но здесь нет владельца. Его записали как служебное правило.

Представительница комиссии молчала.

— Кто должен выбрать форму? — спросила Элиан.

— Совет утверждает городские проекты в пределах полномочий.

— Не это спросила.

— Комиссия подготовит варианты.

— Не это.

Белая ветвь натянулась к площади. Рейки застонали.

Мира поняла, что рамки не удержат её долго. Пока служебное правило оставалось без названного владельца, сад принимал Совет за единую волю и снова собирал отдельные решения.

— Мы не можем отсечь правило здесь, — сказала она Элиан. — Оно питается из Материнской грядки.

— Но можем лишить его дороги.

Элиан опустилась к первой ступени несуществующей улицы и сняла латунную накладку. Под ней серебряная стружка образовала стрелу к площади. Она повернула накладку к реке.

— Что вы делаете? — потребовала женщина с цепью.

— Возвращаю мостовому материалу честное направление. Он ведёт не в готовый город. Он ведёт через Удержь.

Белые камни один за другим стали прозрачными. Под ними открылась пустота, затем настоящая земля. Дверь в складской стене исчезла, оставив порез от шеста. Водосборные кусты опустились на грядку, криво, но целыми.

Последней ушла ступень под ногой Миры. Элиан схватила её за предплечье и подтянула к устойчивому краю. Ладонь была сухой и сильной; отпустила она сразу, как только Мира обрела равновесие.

— Можно было предупредить, — сказала Мира.

— Я думала, садовницы чувствуют, когда исчезает улица.

— Только существующая.

Угол рта Элиан дрогнул. Улыбка не успела появиться: в коробе под теплицей лопнула одна из медных связок. Белый корень отпрянул от рамок и ушёл вниз, к реке. Муниципальная грядка перестала рушиться.

Но на другом берегу, под нижним архивом, вспыхнуло широкое молочное сияние.

— Мы не остановили рост, — сказала Мира. — Только показали ему, что этой улицы нет.

— И показали Совету, что нашли смесь.

Представительница комиссии сняла серебряную цепь и убрала её в карман, словно тем самым могла перестать быть увиденной.

— До слушания вы обе отстранены от муниципальных объектов.

— Тогда оформите отстранение письменно, — сказала Элиан. — С перечнем пяти чужих решений в фундаменте и служебного правила без владельца.

— Шести, — поправила Мира. — Решение Ии тоже использовали, хотя она его отозвала.

Тарен раскрыл журнал на чистой странице.

— Я запишу семь. Шестое — использовать смесь с Заречного берега. Седьмое — молчать о назначении.

— Второе не является вкладом, — сказала Мира.

— Зато является решением зрителя.

Он посмотрел на сломанную теплицу.

— Завершённым.

Мира попросила его записать отдельно и не класть запись в грядку. Тарен впервые за ночь усмехнулся.

Они оставили у каждой рамки номер, владельца, если он был известен, и пометку: НЕ СОГЛАСОВАНО ДЛЯ ОБЩЕГО РОСТА. Бирку Элиан вернули ей после трёх подписей в журнале. Остальные запечатали в прозрачную коробку и передали Тарену на хранение под ответственность обоих берегов.

Когда комиссия ушла, небо над Удержью уже серело. Мира стояла у повреждённой грядки и смотрела на свет под архивом напротив.

— Вы можете отозвать своё решение, — сказала она.

Элиан повертела бирку между пальцами.

— Могу. Но сначала хочу знать, что именно заберу из фундамента. Если выдернуть эту ветвь, мастерская может потерять опору.

— Или Материнская грядка потеряет дорогу сюда.

— Не буду делать вид, что второй исход отменяет первый.

Мира кивнула. Три года назад она выбрала за Ию, потому что видела только опасность для грядки. Теперь перед ними была такая же соблазнительная срочность. Она не имела права повторить ошибку под новым названием.

— Составим карту связей, — сказала она. — Потом вы решите.

— Вместе составим. Решу я.

— Именно это я и имела в виду.

— Хорошо, что уточнили.

Они спустились к лодке. Там, где ночью росла улица, осталась узкая полоса белого песка. Она обрывалась у воды и продолжалась на Заречном берегу, у нижнего архива. Два конца не соединялись. Пока.

Глава 6. Журнал I: что завершено

К полудню Совет прислал Мире три запрета, два требования явиться и один чистый журнал.

Запреты противоречили друг другу. Первый не позволял ей входить в нижний архив. Второй велел немедленно передать туда все записи проверки. Третий запрещал выносить из архива муниципальные журналы, включая тот, который ей предлагали туда внести.

Требования явиться отличались только временем: одно назначало слушание на второй колокол, другое — на третий.

Чистый журнал был самым опасным.

На его обложке серебром вытеснили: **ПРОВЕРКА ВНЕШНЕГО ПРОРАСТАНИЯ**. Если Мира заполнит его под этим названием, смещение фондов станет случайной болезнью, пришедшей извне. Ни решения Совета, ни служебное правило без владельца в записи не попадут.

Она положила журнал на стол в чайной Неми и попросила нож.

— Для бумаги? — уточнила Неми.

— Для названия.

— Тогда малый. Большим я режу пироги и людей, которые спорят о цене после третьей чашки.

Мира соскоблела слово «внешнего». Под ним проступила старая кожа. Она написала чернилами: **ПРОВЕРКА НЕСОГЛАСОВАННОГО СМЕЩЕНИЯ**.

За соседним столом Ия Ров разложила ключ и медный обломок на белой салфетке. Тора составляла опись. Элиан чертила карту опор мастерской, время от времени измеряя линейкой расстояние от края листа до реки, словно Удержь могла изменить ширину, пока они моргали.

— С чего начинается садовая запись? — спросила Элиан.

— С владельца решения.

— Здесь владельца правила нет.

— Значит, начнём с того, почему это неправильно.

Мира вывела первую строку:

Сад принимает не воспоминание, не желание и не приказ. Сад принимает завершённое решение, добровольно переданное владельцем для возможного роста.

Ия прочитала через её плечо.

— «Возможного» оставьте.

— Оставлю.

— Потому что из моего решения вырос дом, которого я не просила.

— И улица, которой никогда не было.

— Дом хотя бы был похож на мой. Улица была похожа на то, что город хотел сделать с моим уходом.

Мира записала и это, отделив наблюдение Ии от собственного заключения. Потом добавила второе правило:

Передача решения не отменяет права отзыва. Отзыв может потребовать безопасной пересадки связанных корней, но не нового разрешения на владение своим вкладом.

Тора постучала ногтем по столу.

— «Своим вкладом» Совет истолкует узко. Скажет: ключ вернули, а выросшая форма уже городская.

— Тогда нужна третья строка.

Мира написала:

После отзыва форма не может продолжать считаться согласием вкладчика. Сохранившийся рост требует нового основания или должен быть разделён.

Ия кивнула, но подпись не поставила.

— Пока это ваши слова.

— Да.

— Хорошо, что понимаете.

Снаружи чайной собирался рынок. После ночной аварии половина Ладожья хотела увидеть невозможную улицу, а вторая половина уже уверяла, что прошла по ней на Высокий берег. Неми повесила на дверь табличку УЛИЦЫ НЕТ. Через десять минут кто-то приписал снизу: А ЧАЙ ЕСТЬ?

Неми добавила: ПОКА ЕСТЬ — и закрыла ставни.

— Нам нужны копии до слушания, — сказала Элиан. — Если журнал заберут, останутся свидетельства на обоих берегах.

— Переписчики Совета не возьмутся.

— Возьмутся лодочники, — сказала Неми. — Они умеют считать груз и не любят, когда мосты падают им на головы.

Она отправила мальчишку к пристани. Мира тем временем нарисовала схему: нижний архив, Материнская грядка, русло белого корня, муниципальная грядка Высокого берега, фундамент мастерской. Возле каждой найденной бирки указала владельца, исходное решение, форму согласия и текущий статус.

У решения Ии стояло: отозвано.

У решения Элиан: не передавалось.

У служебного правила: владелец отсутствует; добровольность невозможна.

— А у вашей прививки? — спросила Ия.

Мира задержала перо над листом.

Для ночной находки её старое нарушение было причиной и доказательством. Если три года назад она не перенаправила бы побег ключа к муниципальной грядке, корень, возможно, не нашёл бы общий резерв. Но сама Материнская грядка и служебное правило появились позже. Совет мог сказать, что всё смешение началось с неё. Мог и, скорее всего, скажет.

— Отдельной строкой, — ответила Мира.

Она написала:

Три года назад садовница Мира Соль без уведомления Ии Ров изменила направление роста её вклада, присоединив побег к муниципальному укреплению. Основание — немедленная угроза просадки грядки. Согласие владелицы не получено. Запись внесена задним числом после обнаружения связи. Нарушение признаю.

Чернила расплылись на последнем слове. Мира промокнула их рукавом.

— Не пишите «основание», — сказала Ия. — Получается, будто у вас было право.

— У меня была причина.

— Причина была у меня, когда я оставила журналы и пошла за ребёнком. Но город записал это как отказ от дома. Видите, как удобно одно слово становится другим?

Мира перечитала строку и зачеркнула: Основание.

Написала: Названная мною причина.

— Так точнее?

— Так хотя бы ваша причина остаётся вашей.

Элиан не смотрела на Миру. Она перевернула карту и на обороте начала новый чертёж. Молчание могло быть осуждением, осторожностью или простым уважением к разговору, в котором ей не принадлежало последнее слово.

— Я хочу добавить последствие, — сказала Мира. — Не оправдание.

— Добавляйте то, что можете доказать.

Мира внесла даты просадки, номер аварийной гряды и состояние корня после прививки. Затем отдельно записала: тайное перенаправление лишило Ию возможности вовремя отозвать вклад и создало неучтённую связь с муниципальным фондом.

Тора прочла запись дважды.

— Теперь Совет сможет отстранить вас не временно, а окончательно.

— Сможет.

— И забрать ключи от грядок.

— Может попытаться.

— Я не отговариваю. Проверяю, понимаете ли вы.

Мира посмотрела на связку ключей у себя на поясе. Каждый открывал не просто дверь: хранилище семян, зал пересадки, больничную гряду, аварийный запас глины. Должность давала ей возможность остановить Совет, но эта же должность позволила три года скрывать нарушение.

— Понимаю.

Она поставила подпись.

Ия взяла перо. Мира ожидала подписи свидетеля, но та написала ниже:

С фактом скрытой прививки согласна. Прощение не дано. Право требовать отдельного расследования сохраняю.

— Это не обязательно для технического журнала, — сказала Тора.

— Поэтому обязательно, — ответила Ия.

Элиан наконец подняла голову.

— На мостовых актах есть поле «неурегулированное требование». Иначе после ремонта считается, что ущерб тоже исчез.

Она провела в журнале отдельную рамку. Ия поставила там знак.

Мира почувствовала благодарность и не произнесла её. Сейчас благодарность могла прозвучать как просьба смягчить приговор.

К чайной подошли лодочники — шестеро мужчин и две женщины в промасленных куртках. Каждый принёс дощечку и кусок копировальной ткани. Неми расставила их за длинным столом.

— Переписываем только то, что видим, — объявила старшая лодочница. — За выводы не ручаемся. За совпадение копий ручаемся грузом и именем.

— Этого достаточно, — сказала Мира.

— Для чего?

Элиан и Мира переглянулись. После ночной проверки вопрос звучал не формальностью.

— Чтобы ни один берег не мог сказать, что записи не существовало, — ответила Мира.

— Чтобы пройти слушание? — уточнила лодочница.

— Нет. Чтобы у жителей осталось доказательство, даже если мы его не пройдем.

Старшая лодочница приложила ладонь к первой странице. Бумага едва заметно потеплела. Не мост и не сад — обычный жест согласия на работу, но Мира всё равно отметила, насколько легче стало дышать после точного ответа.

Они переписали схему восемь раз. Одну копию взяла Ия. Вторую Тора отнесла в кооператив. Третью Элиан запечатала для гильдии мостостроителей Высокого берега. Четыре лодочники распределили по пристаням. Последнюю Неми спрятала в жестяную коробку из-под корицы.

— Где не станут искать? — спросила Мира.

— Как раз станут. Зато пока ищут, найдут корицу.

На второй колокол пришёл новый посыльный.

— Слушание перенесено на четвёртый. Госпоже Соль запрещено вести официальную запись до решения комиссии.

Мира показала ему соскобленное название.

— Запрет получен после начала записи.

— Вам велено передать журнал.

— После регистрации приложений и свидетельских подписей.

Посыльный посмотрел на восемь одинаковых копий и побледнел.

— Это распространение муниципальных сведений.

— Это сведения о решениях их владельцев, — сказала Ия. — Одно из них моё. Я решила копирование записи о нём.

— Остальные владельцы не присутствуют.

— Поэтому их имена закрыты на копиях, — сказала Тора. — Номера и статусы оставлены.

Мира отметила про себя, что Тора сделала это без напоминания. Расследование уже переставало быть работой одной садовницы.

Посыльный забрал оригинал под расписку. Когда дверь за ним закрылась, Элиан развернула карту мастерской.

— Теперь моя очередь.

На чертеже три контрфорса опирались на старый откос. Четвёртая линия, которой не было в строительном акте, уходила под реку к нижнему архиву.

— После обрушения комиссия предложила мне перенести мастерскую, — сказала Элиан.

— Я отказалась. Через месяц грунт перестал ползти. Я решила, что помогли дренажные сваи.

— А помогла привязка к общему фонду.

— Возможно. Если я отзываю решение остаться, откос может снова пойти вниз.

— Ваше решение не было вкладом. Формально отзывать нечего.

— Корень формальностей не читает.

— Зато различает направление. Можно отделить вашу ветвь и заменить опору.

— Сколько времени?

Мира подсчитала толщину корня, глубину откоса и скорость ночного роста.

— При свободном доступе к грядке — четыре дня. При отстранении — никогда.

— До Медной Ночи десять дней, — сказала Неми. — После неё вода поднимется.

— Значит, Совет спешит не только из-за нового квартала, — сказала Тора. — Им нужен водовод до подъёма реки.

Мира положила рядом обе схемы. Материнская грядка собирала решения на Заречном берегу. Мостовой раствор переносил их рост на Высокий. Решение Элиан удерживало откос. Верхний водовод должен был пройти через ту же муниципальную гряду. Всё складывалось в единую форму, которая обещала решить сразу слишком много задач.

— Они выращивают не квартал, — сказала она. — Они выращивают способ сделать квартал неизбежным.

— Разница? — спросила Ия.

— Квартал можно обсудить до посева. Неизбежность обсуждают только после аварии.

Элиан провела ногтем по линии к архиву.

— Сначала смешать опоры. Потом сказать, что разделение разрушит город.

— Моя прививка дала им первый пример, — сказала Мира.

— Не преувеличивайте своё значение, — сухо ответила Элиан. — Совет способен совершать ошибки без вашего изобретения.

Мира неожиданно рассмеялась. Смех вышел коротким и усталым.

— Это вы меня утешаете?

— Возвращаю точность формулировке.

— Тогда спасибо за точность.

Элиан сложила карту, но не убрала руку. Между их пальцами оставалось расстояние в ширину чернильной строки.

— Я не знаю, смогу ли вам доверять после того, что вы сделали с решением Ии, — сказала она тихо.

— Не должны знать сейчас.

— Но сегодня вы оставили решение о моей ветви мне.

— Это не заслуга. Так должно быть.

— Иногда доверие начинается с того, что человек делает должное, когда ему невыгодно. Мира могла бы коснуться её руки. Не коснулась.

— Тогда проверяйте дальше.

— Буду.

На третий колокол в чайную вошёл Сава Рен, председатель городской комиссии. Без свиты, без цепи и даже без плаща, который обычно делал его плечи шире. Он оглядел закрытые ставни, испачканные чернилами пальцы лодочников и пустое место, где лежал официальный журнал.

— Вы уже превратили проверку в представление, — сказал он.

— Представление начнётся на четвёртый колокол, — ответила Неми. — Здесь пока чай. Сава не сел.

— Мира, я знаю о вашей записи.

— Тогда знаете и о смещении фондов.

— Знаю о временной связке, которая удерживает водовод и оба берега перед паводком.

— Без согласия вкладчиков.

— Соглашения будут уточнены после стабилизации.

Ия подняла ключ.

— Моё уже уточнили. Я сказала нет.

Сава посмотрел на неё с терпением чиновника, который считал чужой отказ задержкой процедуры.

— Ваш металл возвращён. Ни одно право не нарушено окончательно.

Ия. — Право, которое действует только после использования, называется иначе, — сказала Ия.

— Город не может остановить водовод из-за каждой частной обиды.

Мира встала.

— Это не обида. И не частная. Вы создали правило, которое выбирает форму вместо владельцев.

— Правило выбирает наиболее устойчивое сочетание.

— Кто определяет устойчивость?

— Комиссия, садовые мастера, мостовая гильдия.

— Элиан не соглашалась.

— Госпожа Веж поставляла раствор.

— Для аварийных опор, — сказала Элиан. — Не для переноса решений.

Сава впервые посмотрел прямо на неё.

— Вы обе видели, что произошло утром. Раздельные формы едва не разрушили грядку. Общая форма удерживала их.

— Она нарисовала улицу над пустотой, — ответила Элиан.

— Потому что строительство не завершено.

— Вы хотите завершить его до согласия, чтобы потом назвать опасным любое изменение, — сказала Мира.

Сава перевёл взгляд на связку ключей у неё на поясе.

— На слушании вы будете отстранены. Я пришёл предложить более разумный порядок. Передайте ключ от Материнской грядки сейчас. Ваша добровольная передача будет записана как содействие проверке.

— А если не передам?

— Комиссия изымет его после решения.

— Тогда это будет изъятие. Не превращайте его в мой выбор.

Сава устало потёр переносицу.

— Вы всегда были практичнее.

— Поэтому я больше не путаю удобство с согласием.

Она сняла с пояса связку, нашла длинный ключ с зелёной насечкой и положила его на стол. Сава протянул руку.

Мира накрыла ключ ладонью.

— Я не передаю его вам. Я помещаю его до слушания в совместное хранение кооператива и мостовой гильдии. Открыть грядку можно будет только двумя свидетелями с разных берегов.

— Устав не предусматривает такого порядка.

— Устав не предусматривает и улицу над рекой.

Элиан положила рядом свою складную мерную пластину.

— Это знак гильдейского хранения. Я отвечаю за вторую сторону.

Тора принесла коробку с двумя замочными петлями. Ключ запечатали внутри. Один шнур взяла Ия от кооператива, второй — Элиан.

Сава наблюдал молча.

— Вы понимаете, что после этого назад не вернуться? — спросил он Миру.

Она посмотрела на соскобленное слово на обложке копии. Внешнего прорастания не было. Был город, который слишком долго называл чужие решения общим материалом. Была её собственная рука, первой показавшая, как легко переступить границу ради срочности.

— Назад — это куда? — спросила она.

Сава не ответил.

Он ушёл к четвёртому колоколу один. Мира открыла последнюю страницу копии и записала:

Завершено: решение скрыть прививку.

Подумала и добавила:

Не завершено: ответственность за её последствия.

Эту запись она не отдала саду.

Глава 7. Слухач под аркой

К утру у пробного моста выросли уши.

Их вырезали из тонкой жести и прибили к стойкам по обе стороны первого пролёта. Под каждым ухом висела дощечка: Говорите сюда. Мосту нужна цель этого перехода, не ваша жизнь.

Неми прочла надпись, отступила на три шага и прищурилась.

— Издали последнего слова не видно.

— Издали и говорить рано, — ответила Элиан.

Она лежала плечом на настиле и смотрела в щель между доской и прозрачной опорой. Утренний свет проходил сквозь мостовой камень, как сквозь мутный лёд. Внутри медленно двигались медные прожилки — следы вчерашних пробных ответов.

Мира стояла на берегу рядом с двумя кадками песка. Ключ от Материнской грядки был запечатан у кооператива, доступ в муниципальные сады ей запретили до слушания, зато пробный мост формально принадлежал пристани. Сава не успел придумать, как отстранить садовницу от песка, верёвок и чужой готовности помочь.

За ночь они перестроили вход. Теперь путь не начинался сразу над водой. Сначала человек попадал на широкую деревянную площадку, а уже с неё выбирал один из двух настилов. Правый вёл на мост. Левый огибал арку и возвращал к рынку, не заставляя оправдываться перед ожидающими.

Неми назвала его дорогой несостоявшихся подвигов и поставила у развилки чайник.

— Человек отказывается переходить, а мы встречаем его кипятком, — объяснила она. — Так город быстрее поймёт, что это не позор.

Элиан выбралась из-под настила.

— Пока это только предположение. Нам нужно проверить опору под разными целями.

— И не проверять людей, — добавила Мира.

— Люди всё равно решат, что проверяют их.

— Тогда повторим столько раз, сколько понадобится.

У начала моста сидел слухач — латунная чаша под жестяным ухом. Такие чаши ставили под старыми арками, чтобы улавливать направление голоса в ветреную погоду. Ничего тайного слухач не слышал. Он передавал колебание на три мерные спицы под настилом: зелёная показывала, что опора собрала отдельное направление; жёлтая — что ответ слишком широк; красная — что мост держат чужие слова или принуждение.

Элиан терпеть не могла название прибора.

— Он не слушает смысл, — сказала она уже в четвёртый раз. — Только сравнивает голос, шаг и нагрузку.

— Назовите его сравнителем, — предложила Ия.

— Тогда к нему никто не подойдёт.

Ия принесла от кооператива ящик с печатями и оба шнура от коробки с ключом. Она не отдала их Мире, только положила рядом, чтобы было видно: совместное хранение не исчезло за ночь. Тора разместилась у стола регистрации. В графе «причина отказа» она провела жирную черту и подписала сверху: не записывать.

Первой пришла торговка пряностями с Высокого берега. Её звали Лада Мель, и она тащила тележку, от которой пахло тмином, сушёными яблоками и мокрой пенькой.

— Мне на тот берег к сестре, — сказала она жестяному уху. — Вот и вся ваша великая тайна.

Жёлтая спица дрогнула, но не поднялась. Прозрачная опора под её ногой осталась молочной.

Лада нахмурилась.

— Что не так? У меня там сестра. Могу предъявить.

— Предъявлять сестру не нужно, — сказала Мира. — Вы ответили правдиво. Но мосту пока непонятно направление вашего шага.

— Направление — туда. — Лада показала через реку.

Элиан присела у края настила.

— Вспомните не человека, а действие после перехода. Что вы собираетесь сделать первым?

— Забрать у неё два мешка перца.

Зелёная спица поднялась на палец. Внутри опоры вспыхнула тонкая медная линия.

Лада усмехнулась.

— Значит, родство мосту безразлично, а перец дорог?

— Мосту безразлична цена, — ответила Элиан. — Теперь ваша цель ограничена этим переходом. Он не пытается удержать всё, что связано с сестрой.

— А если я ещё хочу помириться?

— Хотите сказать об этом?

Торговка помолчала. Очередь за её спиной тоже притихла.

— Нет.

— Тогда не говорите.

Лада посмотрела на Миру, словно ждала другого решения.

— И мост выдержит?

— Проверим, — сказала Мира. — Вы можете идти за перцем и оставить примирение при себе.

Лада взялась за ручки тележки. Первый пролёт затвердел, но второй остался прозрачным. Она дошла до промежуточной арки, где Элиан установила второе жестяное ухо.

— Опять говорить?

— Только если цель следующего шага изменилась.

— Не изменилась. Перец всё ещё упрямее меня.

Медная линия протянулась дальше. Тележка загрохотала по доскам. На середине реки Лада остановилась, посмотрела вниз и выругала собственную смелость без грубых слов. Мост не обиделся. Через минуту торговка уже стояла на Заречном берегу.

— Запишите: мост предпочитает специи семейным чувствам! — крикнула она.

— Запишем: ограниченная правда достаточна, — ответила Тора.

Следом прошёл лодочник с пустой бочкой. Потом пожилая женщина, которая несла на Высокий берег выкройку зимнего пальто. Оба говорили коротко. Опоры собирались отдельными линиями и гасли после перехода, не сохраняя сказанное.

Четвёртый человек у развилки свернул налево, к чайнику. Это был писарь комиссии. Увидев Ию, он покраснел и заявил, что просто ошибся дорогой.

— Причину не записываем, — напонила Тора и закрыла журнал ладонью.

Писарь получил чашку и ушёл обратно. Несколько человек в очереди засмеялись, но Неми стукнула ложкой о край чайника.

— Чай не награда за трусость и не наказание за неё. Чай — потому что холодно.

Смех прекратился.

К третьему колоколу пришёл сборщик рыночной пошлыны Каверн. Он привёл с собой худого подростка в слишком большой служебной куртке. Мира видела мальчика у весов: тот подавал дощечки, бегал за пломбами и старался занимать как можно меньше места.

— Ученик должен отнести реестр на Высокий берег, — объявил Каверн. — Срочное муниципальное поручение.

— Как его зовут? — спросила Тора.

— Сень.

— Я спрашивала не вас.

Подросток облизнул губы.

— Сень Крой.

— Сколько вам лет, Сень?

— Шестнадцать.

Каверн подтолкнул его к правому настилу.

— Ему надо учиться отвечать без нянек.

Мира встала между его рукой и плечом мальчика.

— На площадке никто никого не толкает.

— Он мой ученик.

— На рынке. Не на мосту.

Сень прижал реестр к груди. Книга была перевязана красной лентой комиссии. На обложке стоял знак водоводного резерва.

— Это список взносов? — спросила Ия.

Каверн повернул книгу названием вниз.

— Это муниципальный документ. Госпожа Соль отстранена и не имеет права задавать вопросы.

— Я не спрашиваю содержание, — сказала Мира. — Я спрашиваю, понимает ли путник свою цель.

— Он должен доставить реестр мастеру Ферну.

Красная спица слухача слегка задрожала, хотя Сень ещё молчал.

Элиан опустилась возле прибора и приложила палец к ободу.

— Чужой голос вошёл в опору раньше путника.

— Железка реагирует на мой голос, потому что я стою ближе, — отрезал Каверн.

Он отступил. Дрожь уменьшилась, но не исчезла.

— Сень, — сказала Мира, — вы можете пройти, вернуться или не начинать. Ничего объяснять не нужно.

Мальчик посмотрел на сборщика. Тот сложил руки на груди.

— Если он не доставит документ, он не выполнит поручение.

— Это последствие на рынке, — сказала Ия. — Не условие моста.

— Очень удобно разделять их, когда жалованье платите не вы.

Сень шагнул к жестяному уху.

— Я иду на Высокий берег, чтобы доставить реестр мастеру Ферну.

Он произнёс всё одним дыханием, точно повторил строку, которую учили по дороге. Зелёная спица поднялась. Следом взлетела красная и прижала её к шкале.

Первый пролёт возник под ногами подростка — ровный, светлый, почти непрозрачный.

— Не идите, — одновременно сказали Мира и Элиан.

Но Каверн уже бросил:

— Видишь? Всё получилось.

Сень сделал шаг.

По прозрачной опоре прошла трещина. Не широкая — тонкая, как волос в глазури чашки. Слухач под аркой отозвался низким звоном.

Подросток замер.

— Назад, — сказала Элиан.

— Я могу, — выдохнул он.

— Верю. Всё равно назад.

Каверн шагнул на площадку.

— Не срывайте поручение из-за царапины. Сень, скажи им настоящую причину. Ты боишься лишиться места.

Красная спица ударила в ограничитель.

Трещина раздвоилась.

Мира схватила страховочную верёвку, но Элиан остановила её движением ладони. Рывок мог качнуть пролёт.

— Сень, смотрите на меня, — сказала мостостроительница. — Не на трещину. На меня. Он поднял глаза.

— Ваша цель сейчас может измениться. Вы не обязаны продолжать прежний ответ.

— Я должен отнести книгу.

— Это поручение. Что вы хотите сделать следующим шагом?

Каверн с берега произнёс медленно, с нажимом:

— Сохранить место.

Сень повторил:

— Сохранить место.

Камень под его правой ногой стал прозрачнее воды. Мира увидела сквозь него белую пену у сваи.

— Не повторяйте за ним, — сказала она.

— Тогда что говорить?

— Ничего. Повернитесь к площадке.

— Но они все смотрят.

Мира обернулась к очереди.

— Отойдите от края. Все.

Люди попятились. Неми раскрыла большой полотняный навес и вместе с Ией подняла его поперёк площадки. Он заслонил Сени спины от рынка и Каверна, оставив видимыми только Элиан и путь назад.

— Теперь на вас смотрит одна мастерица, — сказала Мира. — Она нужна, чтобы вывести вас.

— Две, — поправила Элиан. — Но вторая умеет быть тише.

Мира не стала спорить.

Сень медленно развернул одну ступню. Трещина звякнула.

— Мост не пускает назад, — прошептал он.

— Пускает, — сказала Элиан. — Просто направление вашей правды всё ещё тянется вперёд. Не ищите правильных слов. Выберите ближайшее действие.

Он смотрел на край площадки, где из-под навеса была видна ножка чайного стола.

— Я хочу поставить книгу на стол.

Красная спица опустилась на половину деления.

Позади мальчика проступила новая полоса опоры — не мостовая, а короткая, шероховатая, похожая на садовую дорожку.

— Хорошо, — сказала Мира. — Только это.

Сень переставил ногу назад. Полоса уплотнилась. Ещё шаг — и первый пролёт отделился от основной арки тонким швом. Мост не тащил его на противоположный берег, а складывал путь к выбранному столу.

Когда подросток ступил на площадку, Ия приняла у него реестр. Не открыла, а положила туда, куда он показал.

Сень сел рядом прямо на доски.

Каверн дёрнул край навеса.

— Что вы устроили? Он мог спокойно пройти, пока вы не запугали его приборами.

Элиан выскользнула из-под полотна и встала перед ним. На её ладони лежал осколок прозрачной опоры. Трещина прошла через него двумя линиями.

— Первая появилась после заученной цели, — сказала она. — Вторая — после вашего требования назвать страх. Это не царапина. Это разделение несущего направления.

— Он сказал правду.

— Правда под угрозой может быть правдой, — ответила Мира. — Но она не становится добровольной опорой.

— Где вы увидели угрозу?

Сень поднял голову. Мира ждала, что он скажет о жалованье, но мальчик молчал. Это молчание тоже принадлежало ему.

— Мы не обязаны вытягивать доказательство из него, — сказала Ия. — Красной спицы достаточно, чтобы закрыть мост до проверки.

— Муниципальный реестр должен быть доставлен.

— Можете доставить сами, — сказала Тора.

Каверн посмотрел на мост, потом на слухач.

— Снимите эту чашу.

— Зачем? — спросила Элиан.

— Она вмешивается в служебные обязанности.

— Она показала состояние опоры.

— Она толкует людей.

Элиан подняла слухач за обод. Под чашей не было ни надписей, ни игл, ни тайного механизма — только три спицы, соединённые с мостовым камнем.

— Вот голосовая мембрана. Вот измеритель нагрузки. Вот соединение с первой аркой. При одинаковых словах свободный ответ даёт одну линию, повторённый — две встречные. При давлении красная спица показывает, что несущая цель и шаг расходятся. Как зовут человека, почему он боится и что скрывает, прибор не знает.

— А вы знаете?

— Нет. И знать не требуется.

Каверн потянулся к реестру.

Сень прижал ладонь к обложке.

— Я ещё не решил, что с ним делать.

Сборщик замер.

— Это имущество комиссии.

— Тогда вы можете забрать его со стола, — сказал мальчик. Голос у него дрожал, но слова не были повторением. — Только не через меня.

Каверн взял книгу и ушёл к лодочной переправе. Никто его не остановил. Мост не был единственным способом пересечь реку, и именно поэтому отказ мог оставаться настоящим.

Неми опустила навес. Очередь молчала.

— Испытание закончено, — объявила Элиан. — Первый пролёт закрыт до замены опоры.

— Из-за одного случая? — спросил кто-то.

— Из-за одной трещины, — ответила она. — Для моста этого достаточно.

Мира принесла из кадки мокрый песок и засыпала подход к правому настилу. Потом поставила поперёк доску. Люди разошлись к лодкам. Лишь Лада Мель вернулась с двумя мешками перца и сестрой, которую всё-таки не пришлось предъявлять.

— Уже сломали? — спросила торговка.

— Нашли, чего он не должен делать, — сказала Мира.

— Это обычно дороже.

Она оставила Неми горсть перца за чай и повезла тележку к рынку.

Сень всё ещё сидел у стола. Тора предложила записать его как участника испытания без содержания ответа. Он попросил вместо имени поставить знак ученика.

— Комиссия всё равно догадается, — предупредила она.

— Пусть догадывается. Я не хочу сам им это подписывать.

Тора нарисовала маленькую раскрытую скобу.

Элиан тем временем сняла первый пролёт. Треснувшая опора весила немного, но они с Мирой несли её вдвоём. Внутри прозрачного камня застыла чужая фраза — не словами, а двумя медными линиями: одна тянулась через реку, вторая назад, к сборщику пошлины. Между ними зияла пустота.

— Мы неправильно построили развилку, — сказала Мира.

— Она сработала.

— После того как он уже оказался над водой. Отказ предусмотрен до первого шага, а должен оставаться доступным после каждого.

Элиан поставила опору на козлы.

— Боковые площадки у каждой арки уменьшат несущую длину.

— Зато мост не будет превращать первое согласие в согласие на весь путь.

— Понадобится вдвое больше накладок.

— У нас их нет.

— Поэтому я и считаю.

Она разложила на столе складной уровень. Мира придвинула лист. Они начали с двух коротких пролётов вместо одного длинного, затем добавили у промежуточной арки карман, достаточно широкий, чтобы развернуть тележку. От кармана шёл обратный настил, который не пересекался с очередью входящих.

— Если человек меняет цель здесь, — сказала Элиан, — следующая опора возникает отдельно. Предыдущая гаснет, но площадка остаётся на механических сваях.

— Без правды?

— Без магии. Дерево, железо и скучная расчётная нагрузка.

— Самые добрые вещи в вашем ремесле всегда скучные.

— Это профессиональная гордость.

Их пальцы встретились на линии обратного настила. На этот раз Мира не отдернула руку сразу. Элиан тоже оставила ладонь на бумаге, но смотрела не на неё, а на чертёж.

— Есть ещё условие, — сказала Элиан. — Человек под надзором начальника, стражника, родственника или любого, от кого зависит, не начинает проверку вместе с ним. Между ними должна быть дистанция.

— Кто решит, достаточная ли дистанция?

— Опора. Красная спица.

Мира покачала головой.

— Тогда мы опять отдаём прибору решение о человеке.

Элиан нахмурилась, но руку не убрала.

— Предлагайте.

— Сам путник. Мы спрашиваем только: хотите ли вы, чтобы сопровождающий остался в пределах слышимости? Ответ не объясняется.

— А если он боится ответить «нет»?

— Тогда безопасного испытания нет. Предлагаем лодку или откладываем переход. Не заставляем мост доказывать принуждение ценой трещины.

Элиан медленно кивнула.

— Слухач остаётся измерять опоры. Решение остаться или уйти остаётся у путника.

— Именно.

Ия, слушавшая их с другой стороны стола, положила рядом шнур кооператива.

— Запишите это не в примечаниях. В начале.

Тора открыла журнал испытания. На новой странице Мира вывела четыре строки:

Переход можно не начинать без объяснения.

После каждого пролёта можно изменить цель, остановиться или вернуться.

Сопровождающий остаётся в пределах слышимости только по желанию путника.

Слухач оценивает состояние опоры, а не правдивость и достоинство человека.

— Пятую, — сказал Сень.

Все посмотрели на него.

Он встал и потянул вниз рукава большой куртки.

— Если мост треснул, нельзя требовать сказать ещё больше, чтобы его починить.

Элиан взяла перо у Миры и добавила:

Трещина прекращает расспрос и переход; она не даёт права на новое признание.

Сень прочитал запись и кивнул.

На четвёртый колокол со стороны ратуши ударил большой колокол слушаний.

Мира посмотрела на запечатанные шнуры, на разобранный пролёт и на тонкую трещину, которая стала правилом раньше, чем успела стать падением. До комиссии оставалось меньше часа. У неё по-прежнему могли отнять должность, ключи и доступ к грядкам. Но теперь у города был обратный настил, который невозможно было выдать за слабость или ошибку дороги.

— Успеем собрать площадку? — спросила она.

Элиан свернула чертёж.

— Нет.

— Тогда после слушания.

— Независимо от его решения.

Мира взяла свой край треснувшей опоры.

— Это и есть ваша цель следующего шага?

Элиан посмотрела на неё поверх прозрачного камня.

— Нет. Следующий шаг — донести эту вещь до комиссии и не позволить им назвать её недостатком честности мальчика.

Зелёная спица слухача, лежавшего на столе, не шевельнулась. Он не был соединён с мостом и ничего не мог подтвердить.

Мира всё равно поверила ей.

Глава 8. Чай без середины

Слушание заняло девять минут.

Первые три комиссия выясняла, имеет ли право отстранённая садовница внести в зал треснувшую мостовую опору. Следующие две — является ли опора вещественным доказательством, если она не числится на балансе ни одного берега. На шестой минуте Сава велел поставить её на стол. На седьмой увидел внутри две встречные медные линии. На восьмой объявил, что для заключения нужен совет мастеров. На девятой перенёс решение об отстранении Миры на завтра.

Ни Сеня, ни его слов в протокол не внесли.

Когда Мира вышла из ратуши, дождь уже мыл ступени. Элиан стояла под карнизом, держа складной уровень как слишком узкий зонтик.

— Девять минут, — сказала она. — Даже для вашей комиссии быстро.

— Они нашли способ ничего не решить.

— Это требует большого опыта.

Треснувшую опору оставили в зале под печатью. Мира чувствовала её отсутствие так, будто отдала комиссии не кусок прозрачного камня, а незаконченный вопрос. Завтра эксперты могли назвать линии следствием плохого раствора. Могли потребовать повторного испытания. Могли привести другого ученика и заранее научить его улыбаться.

— Нам нужен совет мастеров раньше их совета мастеров, — сказала она.

— Неми уже собирает.

— Откуда она знала?

— Она живёт напротив ратуши и умеет считать минуты.

В чайной сдвинули три стола так, что между ними осталось пустое место. Неми не любила круглые столы: за ними, по её словам, каждый подозревал середину в особом значении. Здесь середины не было. Чашки стояли вдоль краёв, чертежи лежали на отдельных досках, и ни один человек не мог объявить своё место главным.

Пришли мостовики обоих берегов, две садовые мастерицы, старшая лодочница, Тора от кооператива, Ия и мастер весов с рынка. Сава прислал наблюдателя — того самого писаря, который утром воспользовался обратной дорожкой. Тора не отметила этого в журнале и тем спасла его от необходимости лгать.

Неми разлила чай только до половины чашек.

— Экономия? — спросила Ия.

— Метод. Кто захочет ещё, попросит. Кто не захочет, не будет допивать из вежливости.

— Вы превратили чай в политическое заявление.

— Нет. В политическое заявление его превращают те, кто наливает до краёв и требует благодарности.

Элиан разложила схему пробного моста. На месте длинного первого пролёта теперь были два коротких и механическая площадка отказа.

— Утреннее испытание показало разрушение опоры при расхождении произнесённой цели и свободного направления шага, — начала она. — Мы предлагаем изменить конструкцию так, чтобы согласие на первый пролёт не считалось согласием на весь переход.

Мастер весов, широкий мужчина по имени Орс, поднял руку.

— Что значит «свободное направление»? Вес можно измерить. Шаг можно измерить. Свободу чем мерить будете?

— Ничем, — сказала Мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.